

ВОССТАВШЕЕ ЗЛО
РУССКИЙ МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ХТОНЬ

Человек
с чужим
лицом

РУСЛАН
ЕРОФЕЕВ

Руслан Николаевич Ерофеев
Хтонь. Человек с чужим лицом
Серия «Восставшее зло.
Русский мистический детектив»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39851946

Хтонь. Человек с чужим лицом: Ягуза-каталог; М.; 2018

ISBN 978-5-6040915-1-7

Аннотация

Расследуя жестокое убийство школьницы, следователь по особо важным делам Артем Казарин в поисках загадочного маньяка оказывается сначала в психушке, а затем – на зоне. Рядовое сексуальное преступление, совершенное в советской глубинке времен застоя, неожиданно начинает влиять на судьбы всего человечества, которое вместо обещанного в пророчествах Второго Пришествия получает смертельные болезни, войны, терроризм...

Удастся ли Артему настигнуть серийного убийцу? И как мог бесследно пропасть плод убитой девы?

Роман основан на реальных событиях – преступлениях сексуальных маньяков, совершенных в 1980-х годах в СССР.

Содержание

Часть третья	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	40
Глава 6	51
Глава 7	63
Глава 8	74
Глава 9	82
Глава 10	91
Конец ознакомительного фрагмента.	102

**Руслан Николаевич
Ерофеев
Хтонь. Человек
с чужим лицом**

© Ерофеев Р.Н., 2018

© ООО «Яуза-Каталог», 2018

*** * ***

Книга основана на реальных событиях.
Все совпадения не случайны.

Часть третья

Артем. История болезни

Центральная Россия, 1980-е годы н. э.

*Где кончается безумие и начинается
реальность?*

Говард Ф. Лавкрафт, «Морок над Инсмутом»

Глава 1

Воскресший

Ядерный рассвет оказывается не совсем таким, как предполагалось, а главный герой узнаёт, что такое «тройной Брежнев» и какие доисторические животные паслись в тени Парфенона.

Темнота. Голоса. Вой сирены «Скорой помощи». Жесткие носилки. Тоскливая вонь лекарств и яркий электрический свет, бьющий в глаза. Противная резиновая кишка, змеей заползающая в желудок. И снова тьма...

Так вот оно как – воскресать после ядерного взрыва...

Артем пришел в себя от чьих-то страстных поцелуев. Мягкие губы настойчиво и требовательно лобзали взасос его распухшую от пьянства моску и обветренный рот.

– Настя... – прошептал он, торопливо отвечая на поцелуи любимой. – Настенька, значит, ты меня простила, и все дерьмо теперь позади...

В ответ Настя почему-то хрюкнула и ответила голосом покойного Брежнева:

– Мы заверяем вас, товарищ Хонеккер, что советский народ всегда готов оказать помощь блядской... э-э-э, братской нашей... вашей... этой, как бишь ее... Нигерии!

Казарин с трудом разлепил веки, которые, казалось, какая-то сволочь намазала клеем «Момент». Никакой Насти не было. Вместо нее на Артеме восседал верхом Леонид Ильич Брежнев. Вид у генсека был, признаться, неказистый. Он выглядел так, будто много лет пролежал в старом сундуке, где его как следует поела моль. Причем это зловердное насекомое сожрало не только брови Брежнева, но и ордена, мундир и даже шевелюру, оставив вождя КПСС в мятой застиранной пижамке в матрасную полосочку. От квазигенсека сильно несло мочой.

– Давай, Лёня, сделай ему «тройной Брежнев»! – залихватски воскликнули откуда-то сбоку.

Артем повернул голову и увидел полуголоого мужика, сидевшего по-турецки на железной койке, что, впрочем, не мешало ему елозить задницей и подпрыгивать от нетерпения

на пружинистой панцирной сетке.

Мгновение спустя побитый молю Брежнев заключил Казарина в крепкие коммунистические объятия и смачно облобызал трижды: вначале в левую небритую щеку, затем в такую же правую и наконец засосал казаринские губы, словно вантуз. С соседней койки заулюлюкали.

Артем, отплевываясь во все стороны, попытался вырваться из горячих брежневских объятий. Но не тут-то было: оказалось, что он накрепчайше связан по рукам и ногам. Не хуже, чем товарищ Хонеккер – присутствием советской Западной группы войск в Германии. С соседней койки издевательски загоготали.

– Леонид Ильич, голубчик, заканчивайте свои лобзания, видите же, молодой человек нездоров и нуждается в покое. – Откуда-то слева возник благообразный старичок в пенсне и мягко взял Брежнева за плечо.

– Как у Бери! – вырвалось у Артема.

– Прошу прощения, что вы сказали, любезнейший? – вежливо переспросил козлобородый старикашка в пенсне, чем-то похожий на знакомого Артему букиниста Аристарха Анемподистовича.

Казарин отвернулся. Губа после суровых брежневских засосов саднила.

– Ну ничего, ничего, молодой человек, отдохните, – мягко промолвил старичок. – Где же еще отдохнуть, как не здесь.

– Этот херов генсек мне, кажется, губу прокусил! – Артем

еще раз поводил языком по распухшей слизистой.

– Да-с, весьма прискорбно, – отозвалось пенсне. – Но вам, молодой человек, еще повезло. Когда наш уважаемый Леонид Ильич приветствовал в своей излюбленной манере его светлость. – Старик кивнул куда-то назад, где, как догадался Артем, стояла четвертая койка, которую он отсюда не видел. – Он самым натуральнейшим образом порвал барону губу! Пришлось даже зашивать! А вы говорите...

«Его светлость», невидимая Артему с койки, не проронила ни слова.

– Да ни черта я не говорю! – разозлился Казарин. – Где я вообще? Что тут за цирк у вас?

– Где, где, в санатории ВЦСПС, вот где! – хохотнул тип, который только что подзуживал Леонида Ильича совершить «тройной Брежнев». – Тут тебе номер люкс – с койкой, полотенцами для связывания и самим Брежневым вместо массовика-затейника!

– Вы в доме скорби, молодой человек, – печально вздохнул старичок в пенсне. – И лишь от вас зависит, перенесете ли вы эту скорбь со стойкостью, свойственной миллиардам поколений ваших доисторических предков, или дадите ей пожрать себя полностью, как это свойственно, увы, многим представителям вида Гомо Сапиенс.

Артем не понял, что имеет в виду старик, и на всякий случай промолчал. Траченный молью Брежнев тем временем неуклюже сполз с его спеленатой тушки и топтался возле

койки, словно бегемот перед актом дефекации.

– Да что же это я стою! – хлопнул себя по высокому лбу старик. – Позвольте вам представить наше небольшое, но дружное общество!

– ...Сегодня из поездки по блядским... м-м-м, братским странам Восточной Европы вернулись лично Леонид Ильич Брежнев и соображающие за него лица, – вставил Брежнев. – М-м-м, простите, сопровождающие...

– Вот это, как вы изволили догадаться, генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Леонид Ильич Брежнев, – светски склонился интеллигентный старикан в сторону «генсека», не обращая внимания на его бессвязное бормотание. – Прошу, как говорится, любить и жаловать.

Брежнев в ответ промычал нечто невнятное про враждебную гидру империализма и Андропова, который, сука, подсел его и сдал сюда.

– Это наш Михаил Евграфович, – продолжил носитель пенсне, как на светском приеме. Только не Салтыков-Щедрин, как вы наверняка изволили подумать, а Шкуркин. Если вы ему понравитесь, он, возможно, поведает вам свою невероятную, но при этом совершенно правдивую историю.

Тезка Салтыкова-Щедрина не слышал, что о нем говорят. Он был занят важным делом: самозабвенно мастурбировал, массируя ляжками свой недоразвитый отросток. На брежневские поцелуи, что ли, так возбудился? Но интеллигентно-

го дедугана такое поведение, судя по всему, ничуть не смущало, и он продолжал:

– А в дальнем конце палаты у окна, на привилегированном, так сказать, месте, у нас содержится титулованная особа. Жиль де Монморанси-Лаваль, барон де Ре, граф де Бриён, сеньор д'Ингран и де Шанту́. Кажется, я верно упомянул все титулы вашей светлости, ничего не запамятовал? Вообще-то я специалист в несколько иной области знаний, довольно далекой от истории и совсем уж не имеющей отношения к геральдике...

«Светлость» и на этот раз проигнорировала почтительные речи старика.

– Что с вами, ваша светлость? Вам дурно? Не позвать ли доктора? – забеспокоился козлобородый. – Нет? Ну, как вам будет угодно, батенька, как угодно... Ах, покорнейше прошу простить меня, молодой человек, ведь я сам забыл представиться вам! Аполлинарий Венедиктович Гаплевский, профессор, доктор биологических наук. Хотя истинное мое призвание, увлечение всей моей жизни или, как сейчас стало модно говорить, хобби – палеонтология! Царица наук, какая одна в состоянии ответить, откуда мы пришли, а может быть – и куда мы идем...

– Артем, – хмуро отрекомендовался Казарин. – Алкоголик. А может, и шизофреник. Вскрытие покажет.

– Самокритика и умение шутить над собой всегда отличали гомо сапиенс от прочих представителей животного ми-

пра! – одобрительно улыбнулся Гаплевский.

– А вы-то, собственно, из-за чего сюда угодили? – с любопытством спросил Казарин.

– Я пытался доказать научному миру факт существования доисторических животных в исторические времена, – печально вздохнул профессор. – Например, в эпоху античности...

– А что, разве вокруг Парфенона по ночам паслись мамонты? – съязвил Казарин. – Ах да, их же Геракл на ночь к колоннам привязывал, чтобы они в Атлантиду не удрали!

– Простите, уважаемый Артем, но вы в корне неверно интерпретировали мое высказывание, – покачал многомудрой лысиной Гаплевский. – Видите ли, известный писатель-фантаст Иван Ефремов¹ где-то упоминал про пряжку из скифского кургана, хранящуюся в Эрмитаже, на которой изображен... представьте себе, саблезубый тигр смилодон! А оснований не верить ему у меня нет.

– Кому – тигру? – вновь поддел Артем.

– Какому тигру? – удивился профессор. – Ах нет, не тигру, разумеется, а Ефремову!

– Ну, конечно, фантаст фигни не напишет! – ухмыльнулся с койки Казарин. – Только всю правду, как она есть, вы-

¹ Ива́н Анто́нович Ефре́мов (1908–1972) – советский писатель-фантаст, ученый-палеонтолог, философ-космист, автор романов «Лезвие бритвы», «Час быка», «Тайс Афинская» и др. В кругу единомышленников любил повторять, что он пишет фантастику потому, что это единственный способ говорить правду читателю в тоталитарном обществе.

скажет!

– Видите ли, молодой человек, Иван Антонович был прежде всего выдающимся ученым-палеонтологом и только во вторую очередь – литератором, – строго поджав губы, погрозил Артему пальцем профессор. – Смилодоны совершенно точно обитали на территории обеих Америк еще в десятом тысячелетии до нашей эры, а скифской пряжке никак не может быть многим более двух с половиной тысяч лет! Другого объяснения возможности существования этого артефакта, кроме как путешествия в незапамятные времена к берегам обеих Америк крито-минойских мореплавателей (а может, и вовсе атлантов!), я лично не вижу. Не знаю уж, с натуры ли делал пряжку скифскому вождю греческий мастер – скорее всего, с какого-либо не дошедшего до наших дней еще более древнего изображения. Но причин, по которым первобытному чудовищу нельзя очутиться в тени Парфенона или, скажем, египетских пирамид, я не вижу! В конце концов, встречали же мамонтов в Сибири казаки из отрядов Ермака. А это уже совсем близкие к нам времена!..

– Скажите еще, что вы сами их видели – мамонтов да динозавров, – скептически хмыкнул Артем.

– Видел! – выпучил глаза профессор, но тут же погрузнел: – Но теперь меня подлечили, и больше не вижу...

– Эй, Бреднев, на укол! – слышался грубый женский голос, вернув споривших о невообразимо древних временах людей к унылой реальности.

Секунду спустя крепкая жилистая ручища, которая, казалось бы, никак не могла принадлежать женщине, появилась в поле зрения Казарина и отвесила жирного леща коечному онанисту.

– Опять драчишь, паскуда! – заругалась невидимая Артему бабища. – Вот посажу тебя в женскую палату – там тебе причиндалы-то пообрывают! Ну-ка, психи вонючие, отвяжите еного! Яво заотделением чавой-то взыскался...

Артему не составило труда догадаться, что это была санитарка и говорила она про него. Через секунду та же борцовская ручища выхватила бедного Брежнева за шкуру «из кадра». А интеллигентный старичок склонился над Артемом и принялся распутывать хитрые узлы и петли дурдомовских полотенец под аккомпанемент генсековского бурчания:

– Брежнев умер, а тело его живет!

– Топай, топай, паразит! Таблетки принимать не хош – подставляй сраку! – ворчала санитарка.

Артем, путы которого уже ослабил старик профессор, разглядел, что ее сопровождает санитар – холеный качок из тех, что косят на таких вот «придурочных» должностях от армии.

– Я сегодня принимаю не таблетки, а французского посла! – обиженно буркотал Леонид Ильич, которого холеный брезгливо, двумя пальчиками подцепил за шкуру и повел к выходу. – Его тоже в сраку?

– Давай, давай, шевели булками, чрезвычайный и полномочный посол на хер! – улюлюкал со своей койки Миха-

ил Евграфович, продолжая, подобно своему великому тезке, дело Гоголя, но очень по-своему.

Казарин вдруг вспомнил («Черт бы ее побрал, эту эйдети-ческую память!») строчки из письма «злейшего друга» Еого-ля – Белинского, который в одном из писем Боткину написал по поводу автора «Ревизора» и «Мертвых душ»: «Вот что де-лает с человеком онанизм». В те времена бытовало убежде-ние о губительном действии подобных манипуляций на здо-ровье. Упоенно теребящий крайнюю плоть Михаил Евгра-фович служил живым примером антинаучности подобных заблуждений.

«Дурдом!» – меланхолически подумал Артем и сел на койке, растирая затекшие, исколотые иглами шприцов и ка-пельниц руки. Он чувствовал себя словно в детстве, когда только проснулся и организм настолько слаб, что даже не мо-жешь сжать кулаки. А сжать кулаки ему сейчас очень хоте-лось.

Глава 2

Шизофрения, как и было приказано

Главный герой узнаёт кое-что новое об одном маленьком пушистом зверьке и лишний разубеждается в расхожем мнении, что все психиатры сами немного чокнутые.

– Так вы утверждаете, что не далее как на днях беседовали с Берией? – зевнув, спросил заведующим и с ленцой записал что-то в своих бумажках.

Бумажки были не просто бумажки, а история болезни. Его, Артема, болезни.

– Да ничего я не утверждаю! – взвился Казарин. – Что вы мои слова все время перевираете? Вы спросили меня, я вам и рассказал про то, что видел. – И, устало вздохнув, добавил: – Ну не знаю я, что это было...

– А скажите, образы, которые вы видели, были объемными? – продолжил врач опрос, который сильно напоминал допрос. – Ну, рукой их потрогать было можно?

– Это когда как, – призадумался Артем. – Чаще, пожалуй, нет. Обычно картинка бывает плоской. Ну, знаете, как в кинотеатре, когда смотришь кинофильм².

– Очень хорошо! – одобрил доктор и вновь зарылся в свои

² Именно такая «картинка» характерна для галлюцинаций при белой горячке.

бумажонки.

Некоторое время он читал в них что-то – видимо, показания санитаров, которые «приняли» Казарина в тот день, когда произошел ядерный взрыв, и тихонько бормотал себе под нос:

– Зрительные, слуховые и тактильные галлюцинации в период прекращения приема алкоголя... Отлично... Речь больного бессвязная, выкрикивал отдельные реплики, разговаривая с невидимым собеседником... Замечательно... Вспышка агрессии, избил сожительницу из ревности... Изумительно! Когда вас настиг приступ? В темное время суток? Все верно, так и должно быть. Поздравляю: у вас алкогольный делирий! – резюмировал врач и снова что-то пометил в истории болезни. – «Пушистая» к вам прибежала. Белочка горячечка...

– При белочке чертей видят, а не Берию... – пробурчал Артем.

– Ну, это зависит от общего уровня культуры и образования... – мягко протянул врач. – Видят не обязательно именно чертей, а то, во что верят, чего боятся! В стародавние времена в деревне добры молодцы, поддавшиеся на искушение зеленого змия, и впрямь лицезрели бесов – потому как верили в их существование безоговорочно! А нынче их даже старые бабки не боятся. Гагарин в космос летал – Бога не видал! А раз нет Бога, то и чертей, следовательно, тоже не бывает. Сейчас у людей совсем другие фобии. После двадца-

того съезда, например, и развенчания культа личности все стали бояться Берию. Его уж нет давно, а все равно бояться! Прямо пугало какое-то, а не политический деятель! Вот и к вам он приходил. А мог бы пригрезиться не Берия, а, скажем, ваш начальник. Если вы его боитесь, конечно. Или любое другое антропоморфное существо. Самое же интересное во всем этом – то, что вы *действительно* его видели...

Казарин в крайнем изумлении воззрился на врача, а потом с чувством проговорил:

– Спасибо вам, доктор! Спасибо за то, что поверили! Мне ж никто не верил! Даже баба, с которой сплю, и та – как все! Бросай, говорила, пить, Артем, – вот и весь сказ! А вы – поверили...

– Не стоит благодарностей, – успокаивающе проговорил врач, втайне довольный впечатлением, произведенным на пациента. – Я не поверил – я *знаю*. Дело в том, что в человеческом глазу есть одна ма-а-аленькая клетка. По форме она как раз напоминает некий силуэт с руками и ногами, который при соответствующем настрое можно принять хоть за черта, хоть за Берию, хоть за вашего, извините, начальника. В нормальном состоянии она не видна. Но зато в состоянии белой горячки ее прекрасно видно! Отсюда и видения чертей. Или Берии – как вам будет угодно.

– А ничего, что у меня вся эта херня началась задолго до запоя? – Артем побагровел, сообразив, что врач его обманул, чтобы понаписать теперь всяких гадостей в своих бумажках,

и с вызовом продолжил: – Как вы ЭТО сможете объяснить?
– Шизофрения, надо полагать... – с удовлетворением кивнул доктор, и в истории болезни пациента Казарина добавил очередная строчка. А потом пробормотал еле слышно себе под нос: – Шизофрения, как и было приказано...

– Кем приказано? – заорал Артем так, что в зарешеченном окне дрогнули стекла. – Козлюком?! Или самим Сидором Карпычем? Это по их указке меня сюда упекли?! Слышь, ты, доктор – клизму пропил!..

– Если вы не прекратите крики, их прекратим мы. – Врач был по-прежнему совершенно спокоен, он выполнял ежедневную, набившую оскомину работу.

Казарин сгорбился и устало обхватил голову руками. Он уже видел, как расправляются здесь с буйными. Привязывают к кровати так, что невозможно пошевелиться. Избивают черенком швабры, обмотанным тряпкой, чтоб не осталось синяков. И наконец, закалывают нейролептиками, пока человек не превращается в неподвижный, ничего не соображающий овощ. Вспышка гнева прошла столь же внезапно, как началась, уступив место глубокой апатии и отчаянию. Ни с того ни с сего (опять эйдетика!) всплыли в памяти печальные пушкинские строки:

Не дай мне бог сойти с ума.

Нет, легче посох и сума;

Нет, легче труд и глад.

Не то, чтоб разумом моим

Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад...

– Но ведь шизофреники-то не понимают, что с ними творится что-то не то? – наконец выдавил из себя Артем последний аргумент. – А я-то понимаю! Значит, я уже не шизофреник? Или не совсем шизофреник?

– Как же вы сами объясняете то, что вы видели? – поинтересовался врач. – И Берию, и видение катастрофы этой, и то, что с вами якобы происходило раньше – на кладбище, в подземном ходе?

Казарин надолго задумался, а потом медленно проговорил:

– Я думаю, что все эти глюки посетили меня не просто так. В этом чувствуется некий пока еще не понятный мне план... Да что вы морщитесь, дослушайте сначала! Я расследовал страшное преступление – зверское убийство ребенка на сексуальной почве! И все мои видения, несомненно, имеют к нему непосредственное отношение! – Во время своей пламенной речи Артем все больше и больше распалялся: – Не ошибусь, если скажу, что в них содержится ответ на вопрос о том, кто совершил убийство! Однако там, откуда пришли ко мне эти видения, вся информация хранится в непривычном нам формате. И поэтому при ее, так сказать, перекодировке в видимые мне образы получилась такая вот малопонятная каша. Но все, что я видел, несомненно, имеет глубочай-

ший потаенный смысл! Короче, проблема перевода. «Испорченный телефон»! Доктор, вы должны мне помочь разгадать суть этих образов! Во имя науки и во имя справедливости! Убийца должен быть найден и наказан! Иначе преступлениям не будет конца!

Врач успокаивающе покивал Казарину:

– Конечно, дорогой мой, разумеется, я вам обязательно помогу! Вы, главное, не волнуйтесь! В последнее время мне часто доводится слышать от разных пациентов, что им снятся или даже грезятся наяву различные глобальные катастрофы или даже «конец света». Да мне самому иногда такое снится! Трудно сказать, что вызывает подобные тревожные видения: плотный ужин перед сном, сумасшедший темп жизни современного общества или массированная атака телевидения на наши умы. Сон, как и галлюцинация, – это пищеварение мозга, где всё, что было увидено человеком в реальной жизни, перемешивается в процессе усваивания. На вас, видимо, произвело большое впечатление то убийство, которое вам было поручено расследовать? Так ведь?

– Ну, так... – вынужден был признать Артем.

– Вот! – удовлетворенно подхватил доктор. – Наши подсознательные впечатления, страхи в искаженном, иногда довольно пугающем виде всплывают на поверхность сознания! Такое бывает. Между прочим, практически каждый современный гражданин трудоспособного возраста страдает от такого уровня тревожности, какой еще в конце девятнадцато-

го века считался достаточным для того, чтобы поместить человека в психиатрическую клинику... Иногда какое-нибудь особенное событие способно стать спусковым механизмом заболевания. Можно ведь назвать это ваше убийство особенным событием? Вам же до тех пор ни с чем подобным сталкиваться не приходилось? Человеческая психика – вообще странная штука. А вы уж сразу начинаете видеть в ваших галлюцинациях провидческий аспект. Просто вы переволновались, все время думали об этом так поразившем ваше воображение случае. И – дайте угадаю! – с расследованием дела тоже не очень-то клеилось? Ведь так?

– Угу... – вновь неохотно кивнул Казарин.

– Ну вот вам и объяснение! – обрадовался врач. – Вы переживали, искали ответ на заданную вам задачу, терпели поражение за поражением! Наверняка испытывали сильное переутомление, стресс. Недосыпали, буквально жили на работе! Вот нервишки у вас, пардоньте, и сдали...

– Но ядерный взрыв-то уж совсем никак не укладывается в эту вашу теорию! – заспорил Казарин. – При чем здесь он – и мои впечатления от убийства?

– Ну взрыв! – почесал блестящую, словно смазанную маслом лысину доктор. – Мало ли что может привидеться! Вы же, извините, еще и алкоголем усугубили... Пожалуй, глобальная катастрофа любого вида – это некий архетип, заложенный в подсознании человека. Точнее, в коллективном бессознательном. Вот он и всплывает в моменты любых тя-

гостных переживаний и сомнений. В пограничном состоянии психики, так сказать. Армагеддон, Всемирный потоп, извержение Везувия... Люди мучительно боятся конца жизни – может, именно потому они и стремятся оставить после себя как можно больше потомства. Продолжиться в детях и внуках. Конец всякой жизни – это то, чего люди страшатся больше всего. Кстати, совершенно напрасно страшатся. Судите сами: ведь так называемый «конец света» – это событие абсолютно неизбежное. Которое рано или поздно произойдет – учитывая, что даже Солнце имеет свой срок существования. Так что совершенно незачем воспринимать это как кошмар! Напротив, по мне, в подобной вселенской катастрофе существует даже своеобразная поэтическая красота...

Доктор мечтательно зажмурился и откинулся на спинке стула.

«Не зря говорят, что психиатры сами все чокнутые, – мысленно констатировал Артем. – Вот уж действительно доктор клизму пропил. А вместе с ней и мозги. Кстати, хорошее было бы название для книги или фильма о нашей спивающейся интеллигенции. Да только кто такое напечатает или снимет!»

– В общем, нервы у вас, конечно, ни к черту, – отвлекся врач от блаженных мечтаний о всеобщем триндеце и почесал свой синеватый нос, предательски сигнализирующий о чрезмерном пристрастии своего обладателя к медицинскому спирту. – Но это дело поправимое. Сейчас пропишу вам курс препаратов. Только придется вам, извиняйте, немного

пожертвовать мягкими тканями ягодиц, уж не без этого...

– Послушайте, а другого лечения, кроме как через жопу, у вас вообще, что ли, не предусмотрено? – разозлился опять Казарин.

– А вот агрессию проявлять я вам еще раз настоятельно не рекомендую, – очень вкрадчиво и любезно посоветовал адепт «жопной медицины». – Этим вы делаете хуже только самому себе... Подумаешь, ягодицы! Экая драгоценность! Можно потерпеть некоторое время. Зато наградой вам будет – вы только представьте! – полное избавление от ваших галлюцинаций! Так что, вы согласны попробовать, товарищ Казарин? Будем лечиться?

«Попробовал бы я не согласиться!» – подумал Артем, а вслух сказал:

– Согласен-то я согласен. Вот только кто, если не я, поймает убийцу?..

Глава 3

Профессор смилодонных как

Главный герой по достоинству оценивает прелести дурдомовского общепита и узнаёт, что пришельцы среди нас, причем ближе, чем кажется.

В голове Казарина теперь сбесившейся каруселью вертелись великолепные и страшные пушкинские строчки:

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут...

– Мне знакомо ваше лицо, тааристч! Это не с вами я воевал на Малой земле?

Артем отстранил болтливого Леонида Ильича и прошел в свою палату, шаркая растоптанными туфлями, чтобы они не слетели с ног. Шнурки у него отобрали, а тапок не было.

– Ну, ты даешь, Леня! – привстал с койки полуголый «Салтыков-Щедрин», но онанировать при этом не перестал, виртуозно, как заправский жонглер, перехватив свой отро-

сток из левой руки в правую, а освобожденной конечностью опершись на спинку кровати. – Это ж твой дружок, Хонеккер!

И раскатисто заржал, наблюдая, как Брежнев сразу же, словно по команде, полез к Артему целоваться. «Ручной привод» Михаила Евграфовича при этом заработал с утренней силой. С утра Казарин чуть не прибил его, обнаружив дегенерата онанирующим на маленькую, как на паспорт, фотографию Насти, которую он оставил на своей тумбочке. Обещал повыдергать все причиндалы, если тот еще хоть раз дотронется до фото. Вроде понял, присмирел...

– Иди ты в баню, Бреднев! – ругался Артем, отталкивая от себя любвеобильного генсека, испускавшего пряный аромат мочи и немытого тела.

– Банный день у нас по субботам, – подал голос со своей койки профессор Гаплевский. – Это так, молодой человек, к сведению. А сейчас наступает время завтрака. – И старик мечтательно облизнулся.

Словно подтверждая его слова, по коридору раздался жестяной звон баков, в которых привозят в «дурку» пищу «Баландеры» уже тащили их к пищеблоку. Запахло макаронами. Один из разносчиков – неуклюжий слюнявый дебил – запутался в собственных шлепанцах, споткнулся и выпустил ручку бака. Часть его содержимого вывалилась на потертый линолеум коридора. Дебил расстроено замычал и принялся сгребать макароны с пола. Брал очередную пригоршню,

запихивал в бак, смачно облизывал пальцы и тянулся за новой порцией. Казарин задержал дыхание, подавляя подкатившую к горлу тошноту.

В воняющей прокисшими щами столовке Артем сразу отодвинул от себя тарелку с макаронами и тонким, просвечивающим кружочком колбасы с торчащими из него сероватыми ошметками туалетной бумаги.

– Не любите макароны, молодой человек? – удивился Гаплевский, к которому Артем подсел за столик. – Тогда, с вашего позволения?..

И, не дожидаясь ответа, вывалил содержимое казаринской тарелки себе.

Судя по всему, интеллигентский лоск мигом облезал даже с такого приличного старичка в борьбе за жизнь и пищу. Вскоре, наверное, и Артем станет таким: будет с аппетитом уплетать собранные с пола макароны, норовя отжать у других больных еще тарелочку.

Брежнев за соседним столиком неторопливо и царственно вкушал пищу, которую пять минут назад соскребли с грязного линолеума, и приговаривал:

– Как писал Максим Гордый, человек – это звучит горько...

Рядом с ним сидел Шкуркин и поглощал макароны, словно сбесившийся итальяшка, что, впрочем, совершенно не мешало ему продолжать гонять шкурку под прикрытием столешницы.

– Вы когда-нибудь видели его не онанирующим? – поинтересовался Артем у профессора, кивнув на неугомонного шкуркогонятеля.

– Видел, – подтвердил старик, ловко управляясь вилкой с жалкими колбасными обрезками. – Во сне он иногда прекращает возвратно-поступательные движения руками в области промежности. Но данное явление наблюдается крайне редко. У этого индивидуума просто поразительная половая активность!

– А сидит он тут тоже за это дело? – поинтересовался Казарин и усмехнулся: – Секс-диссидент. Узник пениса!

– Ну зачем же вы так, батенька. – Профессор поморщился, а потом, понизив голос, сообщил: – Он здесь оказался совсем по другой причине... Дело в том, что Михаил Евграфович Шкуркин – потомок инопланетян! Да-да, самых настоящих!

«Ну, началось!» – с тоской подумал Казарин.

До сих пор старик казался ему вполне нормальным человеком, но вот и наступил он – неизбежный момент истины.

– В семье Миши... то есть Михаила Евграфовича, хранится удивительная легенда, – продолжил Гаплевский. – Согласно ей, около двухсот лет назад в лесном массиве неподалеку от Черногрозинска потерпел катастрофу НЛО с четырьмя пассажирами на борту!.. Да вы не смейтесь, Артем, сначала дослушайте!..

Казарин, с трудом сдерживая смех, терпеливо выслушал рассказ старичка. А он, надо признать, оказался весьма за-

хватывающим.

Один из пилотов НЛО погиб, а оставшиеся в живых – двое «мужчин» и одна «женщина» – будто бы выкопали землянку, а позже построили дом в районе современной улицы Цюрупы областного центра.

– Правда, о внешности пришельцев сведений не сохранилось, – с сожалением покачал лысой, как коленка, головой Гаплевский. – Но, надо думать, они не очень отличались от нас с вами! Иначе бы «мужчинам» вряд ли удалось... жениться на крепостных крестьянках местного графа Орловского! А «женщине», если верить семейному преданию Шкуркиных – даже свести с ума молодого наследника!

Дальше рассказ профессора сбился на форменную мелодраму, но с некоторым привкусом соцреализма ближе к концу.

– Старый граф, охотясь в окрестных лесах, встретил девушку странной, «неземной» красоты, которая собирала ягоды, и увез в барскую усадьбу в качестве горничной. Там ее якобы и увидел молодой барин... – вздох рассказывал Артему старик, время от времени ловя на лету выпадавшую изо рта вставную челюсть с застрявшими в ней хвостиками макарон.

Но история, начало которой показалось Казарину сильно смахивающим на сказку, закончилась, если верить профессору Гаплевскому, весьма печально. Загадочной гостье из космоса так и не довелось стать графиней Орловской. Че-

рез несколько лет и она, и ее незаконнорожденный сын от молодого графа будто бы умерли от непонятной болезни...

Ненамного счастливее, если верить легенде семьи Шкуркиных, пересказанной стариком профессором, сложилась и судьба другого пришельца. Он якобы спился и умер то ли от ностальгии по навсегда покинутой родной планете, то ли еще от чего, также не оставив после себя потомства.

Зато третьему из звездных гостей все-таки удалось найти себе место в новом мире. Он будто бы создал крепкое крестьянское хозяйство и умер в глубокой старости, всеми уважаемый и окруженный многочисленными детьми, внуками и правнуками. Плодовитость третьего гуманоида косвенно подтверждал его «потомок», который в данный момент всю наябывал под столом правой рукой, прихлебывая левой жидкий дурдомовский компот из захватанного стакана.

– А дальше что? – лениво спросил Артем.

– А дальше было все, как у нас бывает. Потомков таинственного пришельца почти начисто уничтожили во время коллективизации. – И профессор тяжело вздохнул. – Большую крестьянскую семью, как и тысячи других, раскулачили. А всех ее членов сослали в суровый Туруханский край, где, между прочим, до революции отбывал ссылку будущий «отец народов». Обратно вернулся, увы, только один: отец Михаила – Евграф. Но произошло это лишь в 1953 году, уже после смерти главного туруханского «сидельца»... Осел в Светлопутинске, женился, завел хозяйство. Через год по-

явился на свет Мишенька...

Артему наконец надоело слушать этот бред.

– И вы что, во все это верите? – раздраженно буркнул он.

– Да разве вы не понимаете все колоссальное значение Михаила Евграфовича для современной науки?! – вскинулся старикан. – Ведь, если предположить, что строение легких и важнейшие жизненные функции пришельцев все-таки идентичны функциям человеческого организма, а визуально представители различных гуманоидных цивилизаций, к числу которых, кстати, относится и земная, в общем-то не слишком отличаются друг от друга, то что остается? – почти кричал Гаплевский, давясь от восторга макаронами. – Остается сделать вывод, что эта история отнюдь не вымысел, а чистейшей воды научный факт! А это значит... Вы, надеюсь, понимаете, что сие значит?!

– Не-а, – с ленцой протянул Казарин. – Не понимаю. Со всем не понимаю.

– Ну как же! – возмутился старикан недогадливостью собеседника. – Это означает, что существо из чуждого нам мира может быть искусственно внедрено в наше социалистическое общество!

И Гаплевский победно откинулся на спинку стула, внимательно разглядывая Артема и, видимо, пытаясь разглядеть грандиозный эффект, произведенный на собеседника столь сногшибательным выводом.

Но эффекта заметно не было, и профессору пришлось

снизойти до объяснений.

– Полностью адаптировавшись в нашей советской реальности, этот «имплантат» сможет без проблем существовать рядом с нами. Причем мы даже не будем догадываться о том, что среди нас находится «чужой»! – От избытка чувств чокнутый профессор с большой дальностью и кучностью плевался макаронами. – Раз это удалось предкам Михаила Евграфовича, то кто знает – возможно, и другие подобные «симбионты», инопланетные твари, ставшие псевдолюдьми, давно уже живут среди нас! Во всяком случае, современная наука в моем лице не исключает такой возможности! – И Галевский вновь горделиво приосанился.

– В вашу стройную теорию, товарищ профессор, закралась одна маленькая, но убойная ошибочка, – с издевкой проговорил Артем. – Исходная посылка неверна. Никакой этот ваш Михаил Евграфыч не инопланетянин. – Казарин с усмешкой кивнул на Шкуркина, самозабвенно продолжавшего гонять шкурку под прикрытием столешницы. – Он обычный псих и онанист! И эту историю он из своей пипирки выдрочил! А вы и рады верить во всякую чепуху! То в смилодонов, на которых катались скифы вместо коняшек, то в инопланетян! Профессор смилодонных какашек!

И Артем громко, истерично захохотал на всю столовую, так, что даже Шкуркин прекратил на мгновение свое пожизненное служение культу фала. На них заоглядывались.

– Да как... как вы смеете? – поперхнулся очередной лож-

кой макарон Гаплевский. – Да я заслуженный деятель науки! У меня Почетная грамота от Академии наук! Да если хотите, у меня есть неопровержимое доказательство! Вот товарищ Шкуркин вам подтвердит: у него в Москве есть брат-близнец, Евграф, которого так называли в честь отца! Он – экстрасенс по призванию и роду занятий. Евграф с детства проявлял паранормальные способности: «читал» пальцами печатный текст, усилием мысли гнул металлические предметы – ключи, ложки... Миша, голубчик, подтвердите, я ведь не обманываю!

«Голубчик» подтвердил слова профессора очередной серией возвратно-поступательных движений правой руки под столом.

– Он не скажет, – понизив голос, склонился к Артему через стол профессор, округлив свои безумные глаза. – Потому что все это – государственная тайна. Близнец Евграф состоит штатным сотрудником КГБ! Он читает мысли диссидентов!

– Ну и что это доказывает? – Артем уже пожалел, что связался с этим психом, и решил поскорее свернуть затянувшуюся беседу.

– Как – что! – сдавленным шепотом ответил Гаплевский. – Это же означает, что у всех инопланетян имеются паранормальные способности, которые иногда проявляются у их потомков-полукровок! Но не всегда. Вот у Миши они отсутствуют, если, конечно, не считать его феноменально разви-

тую половую функцию. А у его брата они есть! У замаскированных пришельцев же они имеются всегда! И по этому признаку легко вычислить «чужих»! Вы знаете, одного я уже вычислил! И он проживает... – Чокнутый профессор сделал драматическую паузу. – В нашей палате!

Глава 4

«Меня убили пришельцы!»

Главный герой в очередной раз убеждается, что наш мир – большая деревня, и узнаёт о вреде макаронной диеты.

Артем задумчиво почесал макушку, где еще недавно торчал непокорный ежик, а сейчас было гладко, как на девчончьей коленке, и протянул:

– Так-таки прямо в нашей палате? И кто же он, позвольте полюбопытствовать, товарищ профессор? Уж не я ли, ча-сом?

– Да при чем здесь вы! – нетерпеливо отмахнулся старикан и, понизив голос до самого тихого, едва различимого среди бряканья ложек о тарелки, продолжал заговорщицким тоном: – А знаете ли вы, что наш барон на самом деле – совсем не барон?

– Да что вы говорите! – изумился Артем. – Ни в жисть бы не догадался!

– Да! – не замечая иронии, с жаром воскликнул старик и вновь перешел на шепот: – Он – «чужой»! Пришелец! Нелюдь!

Артем поскреб покрытую недельной щетиной щеку и с сомнением взглянул на долговязого «барона», который, оттопырив мизинец, брезгливо прихлебывал компот, сидя через

столик от Казарина и Гаплевского. К ушам «аристократа» была привязана обрезками резинки от трусов синяя выцветшая мочалка, концы которой полоскались в тарелке с остатками супа. Очевидно, мочалка изображала бороду. А голова «барона» была обмотана вафельным полотенцем не первой и даже не второй свежести. Вид «аристократ» являл собой довольно плачевный – типичный псих с трясущейся головой.

– Этот? Хм... Вы уверены? Это он, что ли, нелюдь? А какие ваши доказательства?

– А такие мои доказательства, – взволнованно прошептал профессор. – Что я своими глазами видел: он владеет телекинезом! Вы знаете, что такое телекинез?

– Передвижение предметов с помощью взгляда, кажется? – с сомнением молвил Артем, который никогда особенно не интересовался статейками о непознанном, изредка просачивавшимися в советскую прессу, но все же в последнее время нахватался кое-каких верхушек в связи со странным делом, которое ему было поручено расследовать. Впрочем, это все уже в прошлом – и прокуратура, и уголовные дела. Есть только мир, сузившийся до размеров больничной палаты, и вот этой вот провонявшей тушеной капустой и несвежими щами столовки.

– Именно! – просиял меж тем Гаплевский. – Именно, черт возьми!

И смущенно прикрыл рот – на них снова заоглядывались и зашущукались завтракавшие в столовой пациенты.

– Профессор, извините меня, но мне кажется, что вы просто псих! – жестко произнес Казарин.

На этот раз Гаплевский не обиделся, а лишь устало произнес:

– Ну, допустим, я псих, и что с того? Да сейчас, дорогой мой, любой нормальный человек – псих! Времена такие. И все же я собственными глазами видел, как этот человек двигает предметы, не прикасаясь к ним руками, ногами или чем-либо еще.

– Ну хорошо, и что же он двигал? – с иронией поинтересовался Казарин. – Гору Арарат? Так я, когда трубы горят, могу не только двигать ее взглядом, но и опустошить содержимое бутылки, на которой она нарисована, не прикасаясь к ней! Одной лишь силой мысли!

– Шикарная хохма, батенька! – одобрил чокнутый профессор. – Кстати, знаете ли вы, что «хохма» в переводе с древнееврейского означает – «мудрость»?.. Так вот, дорогой мой, у этого самозванного барона имеется очень необычный брелок – в виде металлического фаллоса. Заграничный, наверное, – у нас вряд ли такое производят. Культ фалла, существовавший у почти любого древнего народа, не совместим с пуританской моралью советского общества...

– А при чем здесь этот брелок? – Казарин неожиданно заинтересовался рассказом старца, который пробудил в его затуманенной медицинскими препаратами голове какие-то смутные воспоминания.

– Очень даже при том! – горячо зашептал Гаплевский. – Он, то есть наш барон, заставляет этот фаллос... летать!

– Летать?! – Артема передернуло, будто его только что втолкнули в работающий морозильник и захлопнули дверь снаружи, больно прищемив ему вдобавок пятку. – Вы уверены?

– Так же, как и в том, что саблезубые кошки могли дожить до времени строительства египетских пирамид! – победно заявил профессор.

Видимо, ни белая горячка, ни еще более страшный зверь – советская карательная медицина, – все-таки не смогли до конца вытравить у Артема его хваленую эйдетическую (она же – идиотическая) память. Реланиум и тиоридазин не смогли превратить его в безразличный ко всему овощ. Одно за другим проносились в его голове воспоминания, всплывавшие, казалось, из невообразимой бездны времен. Парк. Пацаненок Славик и его самодельный автомат с магазином из консервной банки. Странная считалка: «Стояли звери около двери...» Дядя Петя Фокусник и кунштюк с «летающей пиписькой», который тот любил демонстрировать обмирающей от восторга пацанве... Казалось, с тех пор пронеслись века и тысячелетия. Не меньше, чем со времени строительства египетских пирамид.

Казарин еще раз взглянул на синегобородого «барона», сосредоточенно выковыривающего сухофрукты из опорожненного стакана, и их взгляды встретились. Только тут Артем

разглядел, что глаза у психа разноцветные: левый – выцветший, бледно-серый, а правый – ярко-желтый, как у хищного зверя. Да к тому же они еще и смотрят в разные стороны: один – в Арзамас, другой – на Кавказ. Казарин прочел в разноглазном взоре... злорадство? Нет, скорее любопытство. И... ожидание? Ожидание чего?

Так вот ты какой, дядя Петя из парка, он же – Абрам Моисеевич, он же – зэк по кличке Фокусник, он же – барон Жиль де Ре, сеньор и граф чего-то там, и он же – сексуальный маньяк-убийца Занюхин, которого госпитализировала «психовозка» с завода имени Цюрупы с подозрением на шизофрению... Как же Артем сразу-то не догадался?!

Поразительный поединок взглядов сыщика и убийцы прервал неожиданный звук. Казарин повернул голову к сидевшему за столом Гаплевскому – и никого не обнаружил. Звук повторился, и он понял, что его источник находится под столом. Артем нагнулся и увидел стоявшего на карачках профессора. Тот захрипел – как-то странно, будто заскрипели пружины старого дивана. Так вот что это был за звук... Артем бросился старику на помощь и, с трудом подняв его, усадил на хлипкий столовский стульчик. Гаплевский мучительно икал, перхал и нехорошо, утробно стонал. В его животе громко урчало и булькало. Вокруг сидели, вяло ковыряя макароны гнутыми штопором алюминиевыми вилками, безучастные ко всему, обдолбанные лекарствами психи.

– Что это с вами, товарищ профессор? – в ужасе спросил

Артем.

Вместо ответа Гаплевский оглушительно чихнул, и из его носа и ушей хлынула кровь. А вставная челюсть пулей вылетела у него изо рта и резво заскользила по столешнице, пока наконец не остановилась перед Артемом, страшно щелкнув напоследок зубами.

– Пришельцы! – прохрипел вдруг беззубым ртом Гаплевский. – Меня убили пришельцы!

Затем старик навзничь рухнул на загаженную хлебными крошками и пролитым компотом столешницу, и под его головой расплылась лужа из содержимого профессорского желудка, большую часть которого составляли недопереваренные макароны.

Артем в отчаянье обернулся, ища чьей-то помощи – хотя чем тут было помочь? На столе, за которым только что восседал «барон де Ре», сиротливо стоял тусклый жестяной поднос с грязными тарелками и стаканом, в котором остались недоеденными сухофрукты. А сам Петя Фокусник словно растворился в воздухе.

Глава 5

Глаза енота

Главный герой в очередной раз сталкивается с возмутительным нарушением советской конституции, обнаруживает пропажу единственной дорогой ему вещи и бросается по следу похитителя.

Историю со странной кончиной профессора персонал больницы замял на удивление быстро и четко. Чувствовался немалый опыт в делах подобного рода. На все расспросы Артема дебелия баба-санитарка лишь огрызалась:

– Инфаркт у яво! Инфаркт микарда! Дохтуру виднее! А будешь лезть, куды не просят, – гляди, кабы самого кондрашка нехватила!

Но Казарин и так уже понял, что разговаривать с медперсоналом бесполезно. И все же даже слепоглохому было ясно, что чокнутый профессор мог умереть от чего угодно, только не от инфаркта. Но вот от чего именно? Почему старика так внезапно скрутило? Артем терялся в догадках. Особенно его пугал взгляд, которым следил за гибелью соседа Петья Фокусник. Не оставляло ощущение, что он очень много знает, но молчит.

С этими невеселыми мыслями Артем поужинал и лег спать, накрывшись с головой одеялом, чтобы Занюхин не

сверлил глазами его затылок. Тяжелый взгляд подозреваемого Казарин физически чувствовал везде – и в столовой, и в палате, и ночью просыпался в холодном поту от гадкого ощущения, что на него смотрят. Однако больше ничем Занюхин себя по-прежнему не проявлял.

Перед сном опять вспомнилось пушкинское:

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров -
А крик товарищей моих,
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков.

Артем проснулся рано утром с дурным настроением и гудящей головой: всю ночь ему снились кошмары, и толком выспаться не удалось. Стоило только прикрыть веки, как начинал мерещиться подкрадывающийся к кровати Занюхин... Впрочем, его самого в палате уже не было. Вышел куда-то. Были Брежнев, Шкуркин и новый жилец, дряхлый трясущийся старик – жалкая замена интеллигентнейшему, хоть и совершенно чокнутому профессору, мир его праху. Шкуркин, стоя у окна, привязывал нитку к целлофановому пакетику, в котором плескалась какая-то мутная жидкость.

– Ты чего творишь? – удивился Казарин.

Шкуркин загадочно улыбнулся, запрыгнул босыми ногами на подоконник и просунул руку с пакетиком в форточку,

сквозь защищавшие окно прутья решетки. Хотя мужское отделение и находилось на втором этаже, руководство больницы считало такую предосторожность отнюдь не лишней.

Секс-диссидент принялся осторожно спускать пакет на нитке. Наконец за нее кто-то подергал снизу и Шкуркин смотрел ее обратно. Пакетика на ее конце уже не было: его забрал кто-то на первом этаже. Там, как было известно Казарину, располагалось женское отделение.

– Товарищ протянул руку международной помощи трудящимся женщинам братских палат, – промычал Брежнев. – Раскрепощенные женщины нашей больницы никому не уступят своих социалистических заболела... завоеваний!

– Да мне чё, жалко, что ли? – ухмыльнулся Шкуркин, прыгнув с подоконника и удобно устраиваясь на койке. – У меня ж этого добра цистерны! Девать некуда! А бабам ребёночков хочется, даже шизнутым! Их тут закрыли без мужиков. Но нате-кось, выкусите! Скоро по всей больнице будут Михалычи бегать! Эх, пустили бы меня хоть разок в женское отделение – я бы там за пару часиков всех осчастливил! Даже самых страшненьких!

И секс-террорист мечтательно закатил глаза.

Казарин плюнул от отвращения и сел на кровати. Привычно пошарил рукой на тумбочке – пусть день начнется с чего-то хорошего, а не с проделок сумасшедшего извращенца. Но фотографии Насти там не было.

Артем сунулся сначала в один ящик, затем в другой – все

было на месте. Немудрящий джентльменский набор пациента психушки: зубная щетка, порошок, мыло (даже бритвы психам не полагалось – их брил раз в неделю специально приглашенный парикмахер). Все – кроме фото.

– Народ, здесь фотография была... – растерянно проговорил Казарин.

– Порнография?! – моментально оживился Шкуркин, не прекращая возвратно-поступательные движения правой руки под одеялом.

– Да не порнография, а фотография! – раздраженно заорал Артем. – Признавайся, шкуркогонятель марсианский, ты спер?!

Казарин подскочил к тумбочке Шкуркина и вывернул содержимое ящиков на пол. Среди кучки убогого барахла, принадлежавшего психу, там обнаружилась пачка порнографических открыток, которые веером рассыпались по полу. Артем брезгливо поднял их и перетасовал, как колоду карт. Фотографии Насти среди них не было.

– Слышь, сынок, – проговорил с бывшей койки Гаплевского немощный старик, который поступил в палату взамен скончавшегося профессора. – Возле твоей тумбочки летось наш сосед все чего-то крутился. Ну тот, что в полотенце и с мочалкой на морде. Повертелся-повертелся и пошкандыбал, куды – не знаю...

«Прятать!» – сразу догадался Артем и, забыв даже сказать спасибо новому соседу, пулей вылетел из палаты.

«Что задумал этот урод? – лихорадочно соображал Казарин на ходу. – Зачем ему фотография Насти? Просто решил мне сделать козью рожу? Или... – Тут Артем похолодел. – Присмотрел себе новую жертву?! Вот уж хрен ему, а не Настя!»

В коридоре унылые психи мыли пол – младший персонал психушки этой работой себя не утруждал, сваливая ее на пациентов. Да те и сами были рады получить папироску за мытье полов или душевых. Особенно престижно было убирать именно душевые. Правда, психи между собой перешептывались – это потому что там происходят настоящие оргии, на которые персонал смотрит сквозь пальцы: лишь бы не в палатах.

Расспросить уборщиков и просто слонявшихся по коридору, словно тени, психов было делом нескольких минут. Столь приметную личность, как высокий человек с прицепленной к ушам мочалкой, они никак не могли проشляпить. Оказалось, путь ворюги пролегал в заброшенную часть больницы. Номинально аварийное крыло здания было закрыто, но Артем не сомневался, что в него можно проникнуть. Он уже достаточно изучил повадки Пети-Фокусника.

Вход в пустое крыло был забит досками – кривыми и сучковатыми, будто они сделаны из деревьев, переживших ядерную катастрофу. Артем плюнул от досады: опять этот чертов взрыв в башку лезет! Он осмотрел занозистый горбыль, осторожно потянул на себя: ну, конечно, кто бы сомневался!

Гвозди легко вышли из своих дыр, и Казарин нетерпеливо швырнул доску на пол. То же самое он проделал и с остальными тремя. Потом, ломая едва отросшие после недавних приключений ногти, поддел дверное полотно: ручки с дверей тут были сняты. Створки отворились со скрипом, но довольно легко. Здесь явно кто-то уже был. По пыльному полу тянулась цепочка свежих следов. Даже две. Артем прищелкнул. Некто с очень большим размером ноги – никак не меньше сорок четвертого – прошел по коридору куда-то вглубь корпуса и вернулся. Ну, конечно, вернулся, раз вернулся на место доски. Артем пошел по следу Занюхина вперед. А то, что это именно его след, не было никаких сомнений – даже размер ноги сходится.

В конце пыльного коридора обнаружился лестничный пролет. Наверху, в крыше, зияла огромная дыра – так вот почему это крыло заколотили досками! Казарин шагнул на лестничную площадку и обомлел: там, в куче строительного мусора, очевидно нападавшего с крыши, копошился человек!

Неизвестный был одет в такую же полосатую пижаму, как Артем и большинство из пациентов. Человек-матрас. Но даже со спины он никак не походил на долговязую нескладную фигуру Пети-Фокусника. Да и полотенца на голове не было. Откуда он взялся-то? Следы, которые привели сюда Казарина, принадлежали одному человеку. Да и вернулся же он, даже дверь обратно закрыл досками снаружи.

Полосатый между тем наклонился, отковыривая от кучи какой-то кирпич. Из образовавшейся ямки он что-то вынул – Артем не разглядел, что именно, так как человек-матрас стоял к нему спиной. Затем одетый в пижаму мужик начал разгибаться. Одновременно наверху, в проломе крыши, мелькнула какая-то тень. И вслед за этим, как в замедленной кино съемке, внушительный кусок строительных конструкций неторопливо полетел вниз, постепенно ускоряясь на лету.

Вот полосатый выпрямился, нервно комкая в руках что-то все еще не видимое Артему. Вот он воровато огляделся вокруг. Вот, видимо, заметил накрывшую его тень, потому что начал поднимать голову вверх. Но сделать это он не успел. Кусок кирпичной кладки опустился ему точно на темечко. Звук был такой, словно лопнул упавший на асфальт арбуз. Пижамный как-то весь скукожился, затем покачнулся, схватившись за голову, и плашмя полег на кучу битого кирпича.

Артем подобрался, в кровь ударила мощная струя адреналина. Он всегда испытывал чувство, подобное алкогольному опьянению, в те моменты, когда нужно было действовать решительно и быстро. Казарин бросился к упавшему и, схватив его за обутые в шлепанцы ноги, оттащил от опасного места, где по краям дыры угрожающе нависали обломки стен и балок. Затем перевел дух и взглянул на пострадавшего.

Голова бедняги от удара ушла в плечи чуть ли не по самые уши, так, что Артем сразу понял: дело – труба, позвоночнику хана. Однако даже в изуродованном почти до неузнавае-

мости человеке Казарин сразу опознал Шкуркина – его глуповатую добродушную морду было ни с чьей не спутать. Рядом лежала помятая фотография Насти, которую псих только что выронил из ослабевших рук.

– Шкуркин, ты как здесь? – только и мог вымолвить Артем. – Ты ж в палате остался?

Кожа вокруг глаз «секс-диссидента» уже наливалась угрожающей синевой, словно он надел темные очки. Скорее всего – перелом основания черепа³, сообразил Казарин. Не жилец...

– Я через подвал пролез, пока ты с заколоченными дверями возился, – с трудом разлепил опухшие губы Михаил Еврафич, жалобно глядя на Казарина глазами смертельно раненного енота. – Есть там одна лазейка...

– Я сейчас за врачами сбегаяю... – проговорил Артем, в душе понимая, что все уже бесполезно.

– Не надо, – остановил его Шкуркин. – Артем, я умираю...

Казарин сорвал с себя верхнюю часть пижамы, скомкал и подложил бедолаге под голову. А сам направился к выходу, чтобы привести помощь или хотя бы рассказать кому-нибудь из персонала о случившемся.

– Артем! – вновь прозвучал за спиной слабый голос.

Казарин обернулся.

³ Симптом очков (травматические очки, глаза енота) – кровоподтеки вокруг глаз, образующиеся при повреждении костей лица или черепа. Особенно тревожный признак – если кости лица не имеют видимых повреждений: это означает большую вероятность перелома основания черепа.

– А вместо профессора должен был умереть ты, – печально сказал Шкуркин.

– Ты чего несешь! – не поверил своим ушам Артем.

– И вместо меня тоже, – продолжал умирающий, будто не слыша. – То, что вместо меня, я только сейчас понял... Это я Синей Бороде мышьяк раздобыл. У меня ж тут любовь с тремя медсестрами и с одним медбратом. Была... Я ж половой гигант! Секс-террорист! Кто мне сможет отказать!

– Эх, ты... Великий палковводец, – грустно сказал Артем. – Злости на отравителя у него почему-то совсем не было.

– Он мне за это дал гайкой пофорсить перед одной санитарочкой, – продолжал Шкуркин. – Зыкая гайка у него, с каким-то волком на печатке. Он ее у себя в заднице прячет, чтобы при обходе наши живодеры белохалатные не нашли... Я уж не знаю, как этот хренов фокусник ухитрился тебе в тарелку мой гостинец подсыпать. А ты макароны старику отдал...

У Артема перед глазами забрезжила блестящая лысина Гаплевского, словно яичко в гнезде – пегие кустики волос вокруг забрызганы содержимым профессорского желудка... Казарин помотал головой, прогоняя кошмарное воспоминание.

– Ну а здесь-то что за хрень произошла? – нетерпеливо спросил он.

– Хрень... – проскрипел Шкуркин. – Неужто ты так и

не понял? Это же ловушка была. На тебя! Петя-Фокусник, или как там его по-настоящему, нарочно битый час отсвечивал перед твоей тумбочкой. Фотку спер и с понтом пошел прятать. Знал, гад, что ты за ним отправишься ее искать. А сам под шумок пробрался на крышу и устроил фокус-покус! Только просчитался малость. Второй раз уже просчитался... с-сука! И зачем я только поперся за этой фотографией? Ведь как сердце чувствовало, что дело нечисто! Что Фокусник опять затеял какую-то подлянку! Но не смог я устоять – уж очень мне девушка на фото понравилась...

Казарин стоял, оглушенный словами Шкуркина. Все встало на свои места: и странные взгляды Пети-Фокусника, и подозрительная смерть старика-профессора, и этот сегодняшний случай.

– Артем, – тихо позвал умирающий. – Артем, а можно мне еще раз... фотку?

Казарин, не прекословя, отдал ему фотографию Насти.

– Твоя девушка? Какая же она красивая у тебя... – говорил Шкуркин, с трудом поднеся к лицу руку, в немеющих пальцах которой был зажат небольшой картонный прямоугольничек. – Эх, сколько ж баб я недотраhal из-за этой падлы Фокусника! – И громадные слезы размером с хорошую виноградину каждая хлынули из его обведенных смертельным трауром глаз. – Отомсти этому гаду, Артем, обязательно отомсти!

Бедняга всхлипнул еще раз и надолго затих. Фотография

Насти выпала из его ватных пальцев и плавно, как опавший лист, спланировала к ногам Артема. Еще раз взглянув на Шкуркина, Казарин понял, что тот мертв.

Глава 6

Козлик И. О.

Казарин узнаёт, что инфаркт может приключиться от удара кирпичом по голове, получает самый лучший подарок в жизни и очень беспокоится о Насе.

Ни опухшие от халявного медицинского спирта санитарки, ни дежурный врач, которого Артем, не добившись ничего от младшего медперсонала, застукал в его кабинете кувыркающимся на кушетке с молоденькой медсестричкой, даже не подумали ударить пальцем о палец после принесенной Казариным вести. Да и он, признаться, говорил с ними очень уклончиво: мол, нашел пациента, пришибленного куском кирпичной кладки, свалившимся с крыши.

Казарин нутром чувствовал, что, если он хотя бы заикнется о том, что ему рассказал умирающий Шкуркин, живым он отсюда не выйдет. Скрутят сразу же и заколют до смерти. О методах советской карательной медицины он имел неплохое представление еще до того, как попал в этот дом скорби. Да и здесь насмотрелся сполна, чтобы в красках представлять, что с ним сделают. Парочку буйных уже вязали на его глазах. Существовало два вида вязки. За пять точек – кисти рук, ноги в районе голени и через подмышки и шею сзади. Привстать больной не в состоянии, но тазом двигает – может

хотя бы ходить в подставленную ему утку. А самое жесткое – за семь точек: к прежним пяти добавляются пах и ягодицы. Тут уже не шевельнешься: только попробуешь привстать – и вязка прищемит тебе мошонку. И в туалет ходить в этом случае почти невозможно – приходится терпеть...

Тело Шкуркина санитары отправили в морг, а вход в заброшенное крыло здания в тот же день по личному распоряжению главврача забутовали кирпичом.

«Еще один “инфаркт микарда”, – догадался Артем. – Инфаркт кирпичом по башке».

«Синяя Борода», как называл Занюхина почивший в бозе Шкуркин, теперь вел себя тише дохлой мыши. Он даже больше не зыркал в сторону Казарина, упорно пряча от него блудливо бегающие косые глазки разного цвета. Он и в палате-то бывал редко – все больше отирался в комнате с телевизором: по телевидению в сотый раз повторяли советскую «Сагу о Форсайтах» – сериал «Вечный зов», или, как его чаще называли в народе – «Вечный зёв»⁴.

«Знает кошка, в чей тапок нагадила», – справедливо решил Артем.

⁴ «Вёчный зов» – телевизионный многосерийный художественный фильм в жанре семейной саги, снятый по одноименному роману советского писателя Анатолия Иванова и рассказывающий историю сибирской семьи Савельевых, запараллеленную с великими историческими событиями, которые потрясли Россию в XX веке: войнами, революциями, коллективизацией. С успехом заменяя советскому телезрителю популярные на Западе «мыльные оперы», будучи при этом чудовищно скучным, как и вся подобная кинопродукция.

А на следующий день пришли Настя и Стрижак.

– Ну, здорово, псих! – сказал милиционер, и мужчины крепко пожали друг другу руки, а Настя ловко чмокнула Артема в щеку.

– Все мы немного психи, каждый по-своему, – парировал Казарин, растирая пятерню, изрядно помятую силачом Стрижаком. – Просто в дурку попадают только те шизики, которые спалились. Сейчас, если хочешь знать, каждый нормальный человек – псих! – повторил он формулу покойного профессора, которая ему чем-то очень нравилась.

– Ладно, ладно! – не давал ему опомниться Стрижах – Ты хоть знаешь, какой сегодня день?

Конечно же, Артем в душе не ведал.

– Третье ноября! Третье ноября тысяча девятьсот восемьдесят третьего года! – торжествующе изрек милиционер.

– Ну и что? – тупо соображал Казарин.

– Видать, ты и вправду малость умом повредился, пока тут кочумал, – разозлился Стрижах – И вообще, надо хотя бы иногда читать собственный паспорт! Интересная книжица, гадам буду!

– Сегодня же твой день рождения, Артемка! – радостно улыбнулась Настя и потрепала его за уши. – Тридцать три тебе стукнуло!

– Да... вот оно что, – протянул Казарин. – А у меня и паспорта-то нету... Отобрали у меня паспорт.

Он и впрямь успел уже забыть, когда у него день рожде-

ния.

– Вот и ты дотянул до возраста главного героя еврейских народных сказок Иисуса Христа! – резюмировал Стрижах – Подарка у нас для тебя, извини, не припасено – да он тебе тут и ни к чему, подарок-то. Но зато у нас есть кое-что получше...

По тому, что Стрижака и Настю пропустили, никак не сообразуясь с днями, когда разрешено посещение больных родственниками, Артем уже и сам понял: случилось что-то из ряда вон выходящее. И не ошибся. Стрижак и примкнувшая к нему Настя принесли просто сногшибательные известия.

По-видимому, ситуация с отстранением старшего следователя по особо важным делам Казарина от расследования резонансного убийства школьницы и последующим его увольнением с формулировкой «неполное служебное соответствие» затронула какие-то тайные пружины на самом вер-ху. Пока Казарин беспробудно пил, зарабатывая себе белую горячку, из местного КГБ («Спасибо, Иван Иванович», – с неожиданной теплотой подумал Артем.) обратились в Генпрокуратуру СССР, и та инициировала общую проверку деятельности Светлопутинской облпрокуратуры. Сидор Карпович Вислогузов тут же слег в больницу с резким обострением сахарного диабета и прочих своих многочисленных болячек. Врачи запретили больному есть что бы то ни было, кроме постных каш. А уже через день он... скоропостижно скон-

чался, не дождавшись обследования. По городу тут же поползли версии об убийстве и даже самоубийстве прокурора области. Самые горячие головы утверждали в кулуарах, что Вислогузова отравил его новый, недавно назначенный Сидором Карповичем зам – товарищ Козлюк, в целях дальнейшего продвижения по службе. Однако более осведомленные лица, близкие к окружению покойного прокурора, шептались, что Сидор Карпович двинул кони после того, как объелся эклерами, которые тайком пронес пострадавшему на скудных больничных харчах прокурору его любовник – молодой актер местного ТЮЗа по кличке Зая (потому что играл заек, а может, и не только поэтому).

Исполняющий обязанности областного прокурора товарищ Козлюк (которого злые языки тут же окрестили «козлик-ом И. О.» – по аналогии с осликом Иа из популярного советского мультика про Вини-Пуха) также не стал дожидаться результатов проверки, за которую ретиво взялись понаехавшие из столицы высокие чины. Вчера его нашли в просторном кабинете Сидора Карповича, в котором он обосновался как врио, с огромной дырой в темени. Козлик И. О. просунул дуло пистолета себе в рот и нажал на спуск.

Москвичи почесали лысины, поужасались царящему в провинции беспределу и назначили нового местоблюстителя прокурорского кресла – совсем стороннего чина из столицы. Многие шептались, что он – человек Андропова. Так оно или нет, но новый врио тут же, с места в карьер, принял-

ся выметать вислогузовских коррумпированных держиморд из облпрокуратуры железной метлой.

– Как любил говорить покойный Козлюк, главное, в ходе следственных действий не выйти на самих себя... – с сомнением протянул Казарин.

– Да ты дослушай! Как мне удалось разузнать через кое-какие мои подвязки в прокуратуре, восстановление тебя в должности – дело ближайших дней! – взволнованным шепотом увещевал его Стрижак, ерзая на скрипучей Артемовой койке и подозрительно оглядываясь на его соседей по палате. Но те вроде бы не прислушивались к разговору, занимаясь каждый своими делами.

– Дараая Индира Ханди! – замычал вдруг кто-то дурным голосом.

Артем вздрогнул, повернул голову и увидел, что Брежнев подкрался к Насе, которая стояла затылком к проходу, облокотившись на спинку койки, где сидели Казарин и Стрижак, и весьма соблазнительно отклячив круглую попку.

Генсек, продолжая мычать что-то про советско-индийскую дружбу, предпринял явную попытку расцеловать девушку.

– Ты чё, козел, совсем сбрендил? – заорал Артем, отпихивая любителя братских коммунистических поцелуев от Наси.

Аватар покойного генсека ретировался на безопасное расстояние, обиженно бормоча себе под нос:

– Если женщина красива и в постели горяча – это личная заслуга Леонида Ильича!..

Казарин только сейчас заметил, что Брежнев успел вынуть откуда-то из заглазника и нацепить на свою застиранную пижаму кучу значков – с Олимпийским мишкой, гербами городов и профилями Ленина. Прямо настоящий генсек при параде! Настя испуганно взглянула на него и положила ладони на свой живот, инстинктивно защищая плод. И только тут Казарин заметил, что он у нее уже сильно округлился.

– Короче, псих, собирай потихонечку манатки, – приподнятым тоном скомандовал Стрижак, и Артем только тут заметил, что на его погонах прибавилась звездочка. – На днях я тебя отсюда вытащу. Придется, конечно, попотеть. Но в исполнении помогут, уже обещали. И в комитете тоже, но это – тсс! Если бы не комитетчики, хрен бы нас вообще пустили дальше приемного покоя. А так пойдешь у нас как жертва коррупции и карательной психиатрии. Эх, Артемыч, все только начинается! – И мент снова понизил голос: – Знал бы ты, что сейчас затевается в Узбекистане! Там уже вовсю орудуют ваши, прокурорские, из Москвы! Сначала на взятках попало руководство местного ОБХСС. Причем совершенно случайно, Артем, в порядке плановой работы, для увеличения показателей по борьбе с «оборотнями в погонах»! А начальник ОБХС возьми и дай такие показания, что у всего руководства республики теперь очко зудит, а ниточки тянутся и еще выше, в Москву! Взятки ох... – Стрижак покосился

на слушавшую разговор Настю и нехотя поправился: – Фантастические взятки, приписки миллионов тонн хлопка, Герои Труда липовые... Чего только не вскрылось! Со дна арыков извлекают здоровенные молочные бидоны, доверху набитые золотыми зубами, асбестовые трубы с упакованными в них царскими червонцами, банки из-под кофе, полные бриллиантов. Местные «красные бай» обкладывали данью всех, кто хоть как-то зависел от них. Чиновники ниже рангом сначала давали им взятки за назначение на должность, а потом с поклоном несли «квартирные», «отпускные», «праздничные» и прочие подати. Деньгами, золотом, чапанами...

– Чем? – удивленно переспросил Казарин.

– Чапанами! Халаты такие, златошвейные... Эта система поборов опутала всю республику, а ниточки ведут на самый верх – в Москву! Чтобы скрыть огромные приписки по производству хлопка, махинации перекинулись на перерабатывающую отрасль. В центр под видом хлопка везли его отходы – линт да улюк, а то и просто пустые вагоны! За вагон давали взятку 10 тысяч! Вот что вскрылось. В общем, круто взялся Андропов за разное ворье!⁵ И правильно, давно пора!

⁵ «Хлопковое дело» – собирательное название серии уголовных дел об экономических и коррупционных злоупотреблениях, выявленных в Узбекской ССР, а также в связанных с республикой других административных единицах и промышленных отраслях СССР, расследование которых началось еще в конце 1970-х годов. Новый стимул расследование коррупционных злоупотреблений в Узбекистане получило после смерти Л. И. Брежнева и избрания Ю. В. Андропова на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

– Откуда ты все это знаешь? – с вялым интересом обколотого нейрорепликами «тормоза» спросил Артем.

– Да там сейчас мой однокурсник по Саратовскому юридическому институту копает, – отвечал милиционер. – Имя у него смешное – Тельман. Тельман Гдлян⁶. Шустрый армяшка. Помнится, двое нас таких было. Он умный, а я... – Стрижак хихикнул: – Я – очень умный! Поэтому он пошел в прокуратуру, а я в менты. Вот, созваниваемся иногда, переписываемся... Смотри, что он мне вчера прислал заказным письмом!

Стрижак выудил из кармана сложенную вчетверо газету. Казарин развернул и прочитал набранный крупным шрифтом заголовок:

«ЛЕНИН КЫШ, ЛЕНИН ПЫЖ, ЛЕНИН
ТОХТАМЫШ, ПАРТИЯ БЗДЫН!»

Ничего не понял, перевернул газету другой стороной и прочел сызнова не менее загадочное:

«КОММУНИЗМ ПЫЗДЫР МАКСЫМАРДЫШ
ПЫЖ!»

«Рановато мне, пожалуй, из больнички, – меланхолично подумал Артем. – Опять всякая муть мерещится»⁷.

⁶ Тельман Хоренович Гдлян (р. в 1940 г.) – член следственной группы Генеральной прокуратуры СССР (знаменитая «группа Гдляна-Иванова»), которая расследовала коррупцию в высших эшелонах власти Узбекистана.

⁷ Действительно, стоит отметить, что на самом деле обе фразы в узбекском языке отсутствуют, и с чистой совестью списать их «появление» в газете на бо-

– Скоро всё это будет на страницах центральной прессы, вот увидишь!⁸ – ликовал Стрижак.

– Артем, мне плохо! – вдруг перебила его Настя.

– Что с тобой? – забеспокоился тот. – Может, позвать врача? Тебя этот зассанный вождь напугал?

– Да нет, ничего, все в порядке, – улыбнулась молодая женщина. – Просто тошнит немного. Где тут у вас удобство?

– Налево по коридору. – Артем с беспокойством взглянул на сожительницу: – Тебя проводить?

– Нет, что ты, я сама, – вновь смущенно улыбнулась Настя и вышла из палаты.

Казарин не возражал – ему очень хотелось остаться наедине с другом. Ну как наедине – Брежнев, старик в дальнем углу и Занюхин, шепчущий себе под нос какие-то мантры, были не в счет. К соседям по палате Артем уже привык относиться как к мебели.

– Ну, я смотрю, тебя можно поздравить. – Казарин покосился на новенькие, как юбилейный «картавчик», погоны друга. – Что ж, давай пятюню, подполковник!

И они со Стрижаком крепко обнялись. Это был, безусловно, самый лучший день в жизни Артема!

– Я нарочно надел форму, чтобы ваши живоде-ры не очень

лезненное состояние главного героя.

⁸ Узбекские дела были преданы по-настоящему широкой огласке уже во время перестройки – в целях демонстрации борьбы с коррупцией населению СССР, которое все сильнее ощущало нарастающие кризисные явления в социально-экономической жизни страны.

выёживались и пропустили нас к тебе в неурочное время... Ну а теперь, пока дам поблизости не наблюдается, можно чуток отметить наши скромные победы, – ухмыльнулся Стрижак и выудил из кармана форменных галифе четвертинку «андроповки». – Чуть-чуть не помешает. Даже тебе, алкаш ты эдакий! Уж очень много сегодня приятных поводов!

– Принес все же, зараза! – обрадовался Казарин, и знакомое предвкушение того, как жидкий огонь обожжет гортань и растечется блаженным теплом по венам, охватило его полностью.

Не помогло, видать, лечение, с залихватской радостью мысленно констатировал он.

Артем со Стрижаком глотнули по изрядной порции из горлышка под завистливые взгляды безымянного старика, занимавшего теперь профессорскую койку, и Брежнева, который, пристроившись на уголке стула, сочинял на листочке в клеточку очередное воззвание к Политбюро с требованиями об улучшении продовольственного снабжения психов и снятии с должности главврача.

А Занюхина в палате не было. Только что сидел на своей кровати, раскачиваясь, словно правоверный иудей на молитве, и мыча себе под нос что-то непонятное, и вдруг – будто корова языком слизала.

– Слушай, ментяра, что-то мне это не нравится... – сказал Казарин, а сам уже поднимался с койки.

Стрижак понял его с полуслова. Друзья, не сговариваясь,

торопливо зашагали по направлению к туалету.

Глава 7

Самый лучший день

Казарин расплачивается за собственный эгоизм, Стрижак получает возможность блеснуть ораторскими способностями, а невесть откуда взявшееся насекомое подтверждает самые худшие опасения обоих.

Артем стремительно бежал по коридору, проклиная собственную беспечность и эгоизм. Как он мог отпустить Настю одну, когда здесь кругом полно психов, в том числе и общественно опасных? Так нет же, бухнуть решил с дружкой! Будто ничего важнее не существует в этой жизни!

– Думаешь, там, в туалете, к ней может пристать кто-то из психов? – спросил едва поспевавший за Артемом Стрижак, будто прочитав его мысли.

Казарин не отвечал и лишь прибавил ходу. Он пинком распахнул хлипкую дверь сортира, предварительно отпихнув в сторону какого-то прильнувшего к замочной скважине извращенца. В нос ударил невыносимый запах застоявшихся фекалий. Казарин вихрем пронесся по небольшому грязному помещению. Двери всех кабинок были распахнуты настежь, и лишь одна, в самом дальнем конце «сральника», была закрыта.

Артем постучал:

– Настя!

В ответ – молчание.

– Ну, чего тут? – догнал наконец Казарина порядком запыхавшийся Стрижак. – Не сожрали эти психи твою Настю под спиртяжку, стыренную у местных живоделов?

– А хрен его знает! – нервно проговорил Артем. – Заперлась и не открывает!

Он упал на грязную, зассанную многими поколениями больных плитку и заглянул под дверь кабинки – между ее нижней кромкой и полом оставался зазор сантиметров в десять. Казарин увидел Настины ноги, обутые в грязно-белые «адидасы». И тут же похолодел: рядом с ними находилась еще одна пара ступней – явно мужских, засунутых в стоптанные больничные шлепанцы сорок последнего размера.

Вскочил с пола и вышиб дверь Артем, что называется, уже «на автомате». Настя сидела на унитазе, неуклюже расставив ноги. Трусы, выглядывавшие из-под коротенькой юбчонки, были все в крови. Над ней орлом нависал Занюхин. В кулаке его сверкал острый осколок стекла – кажется, кусок стакана. Его неровная кромка упиралась Насте прямо в белое незащитное горло. Маньяк повернул к Артему хищно осеренную морду, осклабился и прошипел:

– Занято!

– Артем, посторонись, – услышал Казарин позади себя голос Стрижака. – То, что ты водяру хлещешь бутылками, еще не делает тебя прозрачным.

Мент говорил на удивление спокойно, и это вселило в Артема робкую надежду на благополучный исход.

– Стрижак, это он убил Лену Плотникову, – неожиданно для себя вырвалось у него. – Некогда объяснять, но я не под нейролептиками и не глюки ловлю. Это чистая правда.

Милиционер ничего не ответил, лишь с недюжинной силой отодвинул Артема с дороги и проскользнул ко входу в кабинку.

– Ни хрена ты не убьешь ее! – холодно и убежденно сказал он Занюхину, в одно мгновение оценив ситуацию наметанным ментовским глазом.

Тот помалкивал, но внимательно следил за Стрижаком периферийным зрением. Тяжелый взгляд мента сверлил ему висок, будто дрелью, даже через полотенце, которым была, по обыкновению, обмотана дурная башка психа.

– Ясен пень, не убьешь, – удовлетворенно ответил сам себе мент. – Ты же не лох. Стало быть, не убьешь.

– Это почему еще? – подозрительно поинтересовался Занюхин. – Уж не ты ли мне помещаешь, смертный?

Снизошел. Это, кажется, был второй раз, когда Артем слышал его голос – после короткого, шипящего «Занято!». Скрипучий, надтреснутый, странный, как и вся долговязая фигура маньяка, звук.

– Ну-у! – Стрижак аж засмеялся, будто Занюхин спросил у него нечто донельзя наивное. – Согласись, дать умереть жертве практически сразу – это награда для нее. Это, я бы

сказал, уступка, которая полностью обесценивает убийство. Так ведь совсем не интересно, правда? То ли дело – связать ее проволокой, долго и жестко трахать, потом извлечь внутренности из еще живого, трепыхающегося тела... А уж под занавес насладиться главным. Тем, ради чего вся затея.

Занюхин явно запсиховал, руки его задрожали. Артем испугался, что он прямо сейчас перережет Насте горло. Но этого не произошло.

– Откуда ты взялся, о, препятствующий мне свершить то, что обьязано свершиться? – наконец проговорил выродок. – Позволь скромным и кротким умереть в их горе!

– Я оттуда, где тебя ждет конец, – ухмыльнулся Стрижак. – Большой и толстый. Один трупешник на тебе имеется? Вестимо, имеется. Да не простой. Сколько ты Леночку мудохал? Да еще над телом девичьим потом вдоволь поглумился.

– Рожденное во грехе было предано тьме! – угрюмо провозгласил Занюхин, бегая разноцветными глазками в поисках хоть какого-то выхода, и вдруг неожиданно сбился со своего патетического тона. Из-под обличья то ли сектанта, то ли просто сумасшедшего выглянуло кондовое рыло заурядного мелкого урки. – Умoeшьcя доказывать, начальник!

– Так а я за чё! – готовно подхватил Стрижак. – Конечно, доказывать придется! И не факт еще, что докажем. Я не виляю, как видишь, всю правду тебе говорю, все равно что цыганка на вокзале! Сейчас у меня на тебя полторы улики, и тем цена копейка, причем в базарный день. Суди сам: если

бы Артем мне не подсказал, я бы ни за что не допер, что ты – это ты. В общем, чего я там докажу – это еще бабушка надвое сказала, да и то не договорила – померла на полуслове.

И Стрижак печально вздохнул, всем своим видом демонстрируя скорбь по отношению к безвременной кончине бабушки.

В сортир забрел какой-то трясущийся псих, на ходу спуская полосатые пижамные штаны с тощего зада. Артем тут же вытолкнул его за дверь: только тебя здесь не хватало, идиот! Судя по негромкому, но отчетливо слышному журчанию в коридоре, больной там сразу же и обоссался.

– Что ты хочешь от меня? – приободрился между тем Занюхин.

– Как это «что»? – страшно удивился мент. – Сам разве не дотумкал? Видать, рано я сказал, что ты не лох. Ладно, слухай сюда, дяденька милиционер добрый, убогого не обманет. Сейчас на тебя, считай, ничего нет. И не известно еще, будет ли. Хотя, конечно, ты только что во многом сам себя выдал. Но вот если ты сейчас на наших глазах сотворишь еще один трупачок – свежий, как болт медвежий, – то считай, что ты у меня в руках. А руки у меня, брат, жесткие, как наждак, во! – И Стрижак для пущей убедительности погрозил Занюхину немаленьким кулаком. – За такое умышленное убийство при отягчающих, совершенное на глазах сотрудника милиции, вышак тебе светит, как лампочка Ильича! Чуешь ли, убогонький?

Морда Занюхина стремительно меняла цвета, будто задница хамелеона на раскаленной сковороде. По его лбу и вискам струился пот такими обильными ручьями, будто кто-то хулиганистый только что нассал ему на темечко, и вся эта ссанина теперь стекала через грязное полотенце, кое-как намотанное на давно не мытую башку психа. Капало даже с выцветшей синей мочалки, которая болталась на подбородке нелюдя. Его рука с осколком стекла медленно блуждала по белой коже Насти – от ключиц до запрокинутого вверх подбородка и обратно. Хорошо, что Артем не видел толком ее лица – иначе, казалось ему, он бы во второй раз сошел с ума. Уже окончательно. Зазубренный край стекляшки сбривал мягкий светлый пушок на Настиной шее.

У Стрижака все-таки была отменная реакция. Если не врут физики и время делится на кванты, ему удалось перехватить руку Занюхина за многомиллионную долю секунды до того, как кусок стекла рассекает Насте сонную артерию. Псих, видимо, принял определенное решение и занес свое оружие над девичьей шеей. Но опустить руку ему не довелось – спасибо молниеносному Стрижаку.

Когда Артем бросился к Насте, Занюхин уже извивался на зассанном полу под навалившимся на него Стрижаком. Он сдавленно изрыгал угрозы различными адскими карами и плевался зубами, которые Стрижак тут же, не сходя с места, выбил ему рукояткой пистолета. Руки Занюхина были в крови. В Настиной крови?

Первым делом Казарин осмотрел шею любимой. Кроме нескольких неглубоких царапинок, оставленных зазубренным краем стекляшки, ран на ней не было. Артем облегченно вздохнул и поднял молодую женщину на руки. Настя открыла глаза. Потом положила ладонь себе на живот, на самый его низ, и проговорила:

– Артем, больно...

По ее гладким округлым бедрам текла кровь.

Казарин вынес ее в коридор, пинком распахнув хлипкую дверь нужника.

– Врача! – орал он, чувствуя, что его щеки заливают чем-то горячим, и никак не мог понять чем. – Да приведите же врача, падлы!

– А я ведь ему уже имя выбрала, – едва слышно прошептала Настя. – Я сразу решила – пусть его зовут Артемкой...

Испуганные психи жались к стенам. Затем сквозь заволакивавшую глаза пелену Артем увидел белые пятна медицинских халатов. Кто-то принял у него из рук отяжелевшее тело.словно сквозь вату Казарин слышал торопливый тенорок Стрижака, увещевавшего врачей: те никак не соглашались отдать ему кого-то или что-то «под личную ответственность», а Стрижак настаивал, ругался, грозил. Наконец люди в фуражках с кокардами провели куда-то упирившегося Занюхина. Возле Артема они слегка замешкались, и он увидел, как Занюхин поднял к лицу окровавленные руки, провел ими по щекам, по губам, благоговейно вкушая кровь

словно святое причастие:

– Через наше высокомерие и гордость мы имеем это питье, пусть он станет для нас эликсиром жизни, – услышал он, как будто издалека, надтреснутый голос маньяка.

Но сильные руки людей в форме уже повлекли его куда-то. А Артем, слепо шаря руками по стенам, прошел обратно в туалет. Нашупал там привинченную к стене пластмассовую хреновину какие обычно имелись в каждом советском трамвае.

«ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ БИЛЕТОВ» – гласили крупные литые пластиковые буквы. Билетов куда? Артем запустил пальцы внутрь хреновины и вытянул наудачу бумажку. Это был пожелтевший обрезок газеты. Туалетная бумага в Советском Союзе уже давно была жутким дефицитом, и ее заменили вот такие аккуратно нарезанные листочки. Людей не пугали даже упорные слухи, будто в типографской краске содержится свинец, который годами накапливается в прямой кишке, вызывая рак. В дело не шли лишь изображения коммунистической символики и портреты вождей – по крайней мере, здесь, в больнице, их всегда, по негласному приказу главврача, выстригала маникюрными ножничками сестра-хозяйка. Часто и такого самодельного «пипифакса» не хватало – и тогда психи использовали вместо него пальцы, творя фантастические узоры и даже целые картины на замурзанных сортирных стенах. На одной из них какой-то сумасшедший художник изобразил таким необыч-

ным способом «Тайную вечерю», довольно точно повторяющую фреску, написанную Леонардо в монастыре Санта-Мария-делле-Грацие в Милане.

Очень хотелось утереть лицо, на котором выступил крупный пот, и промокнуть залитые слезами глаза. Но клочок газеты для этого не особенно годился.

«ДЕТИ – НАШЕ БУДУЩЕЕ!» – прочитал Артем аршинный заголовок даже сквозь слезы. И рядом другой, помельче: «Счастливая и любящая семья – основа советского строя». Совсем некстати подумалось, что он никогда, ни разу в жизни не встречал человека с отчеством «Артемович» или «Артемовна». Может, все Артемы заранее обречены на бездетность? Почему ему в голову постоянно лезет какой-то бред? Даже сейчас...

На плечо Казарина легла чья-то тяжелая рука.

– Выкидыш, – тихо и мрачно проговорил Стрижах – А тут еще кровотечение из матки началось. Там у нее какие-то проблемы были по-женски... Ее больше нет, Артем. Даже до «Скорой» не успели донести. Держись, старик!

С серого газетного фото смотрело на Казарина образцовое советское семейство. Суровый мужественный отец. Молодая мать с белокурыми локонами и прелестными ямочками на щеках. Маленький мальчик у них на руках счастливо смеялся. Но детское лицо уже промокло каплями Артемовых слез – словно каплями крови.

«ДЕТИ – НАШЕ БУДУЩЕЕ!»

«Счастливая и любящая семья – основа советского строя».

Никогда у него не будет ни того, ни другого. Все перечеркнул этот Самый Лучший День. Который внезапно стал чернее ночи.

Никогда больше он не погладит счастливую Настю по животу и не почувствует в ответ слабые толчки. Никогда не будет вместе с ней фантазировать по поводу внешности своего будущего тезки, его привычек, того, кем он станет, когда вырастет. Потому что он никогда не вырастет. Крохотное сокровище в Настином животе, которое Артем уже считал своим сыном, вышло на свет в виде кровавого сгустка дурно пахнущей плоти. И Насти тоже никогда больше не будет. Вообще.

Малыш на фото ничего этого не знал и продолжал заливаться счастливым смехом.

«ДЕТИ – НАШЕ БУДУЩЕЕ!»

Нет у него больше никакого будущего.

Артем медленно опустил бумажку обратно в пластмассовую парашу с выпуклыми буквами:

«ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ БИЛЕТОВ»

Он использовал свой билет. И это был билет в никуда.

Казарин стряхнул с плеча руку Стрижака и шагнул к окну. Прильнул лбом к сортирному стеклу, которое было наглухо замазано краской снаружи, чтоб гуляющие психи не подгля-

дывали за своими товарищами. Лоб обожгло могильным холодом. Между рамами бился очень крупный мотылек. Откуда он здесь взялся? На дворе поздняя осень, все букашки давным-давно спят. Артем пригляделся. Головогрудь насекомого украшал четкий рисунок. Человеческий череп. Это была бабочка Мертвая голова – точно как та, что села ему на плечо в видении ядерного Апокалипсиса.

Глава 8

Как спариваются ёжики

Главный герой безуспешно пытается разгадать тайну летающего пениса, узнаёт, как нужно писать слово «блядь» по-культурному; и поддаётся на явную провокацию.

Маленький металлический брелок в виде пениса неподвижно висел над полированной крышкой стола, покрытой царапинами, бурыми кругами от стаканов с чаем и следами от тушения окурков. Стрижак зачарованно провел рукой под ним, потом над ним. Никакой невидимой нитки, которая бы держала висевший в воздухе предмет, не было. Однако брелок после манипуляций Стрижака повисел еще чуть-чуть и как бы нехотя упал на стол, звучно стукнувшись о дерево.

– И как? – озадаченно спросил новоиспеченный подполковник. – Как ты это делаешь?

Петя-Фокусник приосанился на стуле и скрестил на груди руки с видом скромного триумфатора.

– И много ты такого умеешь? – не отставал Стрижак.

Вместо ответа Занюхин встал и одернул свой кургузый пиджачок – пижаму у него отняли перед тем, как выпустить из больницы, а взамен вернули то, что на нем было в момент госпитализации. Затем он расстегнул пуговицы надетой под пиджак рубашки: сперва на воротнике, затем – на манжетах.

Ухватился сзади за воротник – и... стащил с себя рубаху, не снимая пиджака!

– Вот это да! – восхитился Стрижак. – Если ты сейчас же не раскроешь секрет этого фокуса, я буду загонять тебе иглки под ногти и бить по голове бьюстом Ленина!

И подполковник кивнул на литую каслинскую голову лысого вождя, которая стояла в «красном уголке» районного отдела внутренних дел, где происходил допрос. Петя-Фокусник тяжело вздохнул, расстегнул пиджак и снял его, обнажив впалую волосатую грудь. Потом накинул рубаху на спину и, не продевая руки в рукава, застегнул манжеты. Так же он поступил и с воротником. Затем вновь напялил поверх всего этого дурацкого сооружения пиджак и застегнул его наглухо. Получилось и впрямь похоже, будто под ним нормально надета рубашка.

– Ну ты и выдумщик! – расхохотался подполковник Стрижак, поднимая ветер громадными ушами, похожими на лопухи – по крайней мере, Артем не смог бы на сто процентов поручиться, что воздух по кабинету гонял вяло вращавший лопастями вентилятор «Сатурн», а не уши легендарного сыскаря, получившего у местных уголовников забавную кличку Чебурашка.

Занюхин еще раз вздохнул, стащил с себя потертый пиджачишко с какими-то дешевенькими значками на лацканах и принялся вновь надевать рубаху – уже по-нормальному. Наконец он остался в своей клетчатой рубашонке, а пиджак

повесил на стул.

«Какая-то слишком жалкая одежонка для маньяка, – подумалось Казарину. – Все же сексуальный преступник ассоциируется с таким суперменом при стальных яйцах. А тут какой-то вонючий козел в затрапезной клетчатой рубашке, больше похожий на слегка спятившего и сильно пьющего, но доброго дяденьку».

– Мы вам фокусы покажем – писю творогом намажем... Ну а с брелок-то – в чем секрет? – не отставал от Занюхина любопытный Стрижак. – Я же точно проверил – никакой нитки или чего-то вроде нее даже близко не было. Как он у тебя завис в воздухе? Магниты, что ли? Где ты их прячешь?

Петя-Фокусник ничего не сказал – лишь улыбнулся с некоторой долей превосходства: мол, в голове у всех вас магниты вместо мозгов.

– Поразительно, – проговорил сидевший на подоконнике эксперт Лунц. – Никакие это не магниты, Стрижак, неужели сам не видишь?

– Тогда что? – разозлился тот. – Он тут сидит перед нами и издевается, весь такой из себя загадочный! Ничего, на параше ему покажут не летающий писюн, а влетающий! В одно интересное место!

Петя втянул башку в плечи, но все равно не удержался – ехидно ухмыльнулся уголками губ.

– Похоже на действие ультразвука... – задумчиво протянул Лунц. – Вы когда-нибудь видели, как чистят промыш-

ленные детали с помощью ультразвука? Они тоже при этом могут висеть в воздухе. Но то – действие ультразвукового генератора. А тут... Человек, как и многие живые организмы, может генерировать ультразвук, но чтобы на таких невероятных частотах... Феноменально, никогда ничего подобного не видел!

«У всех инопланетян имеются паранормальные способности... По этому признаку легко вычислить «чужих»!.. А знаете ли вы, что наш барон на самом деле – совсем не барон?.. Он – «чужой»! Пришелец! Нелюдь!.. Я своими глазами видел: он владеет телекинезом!» – живо прозвучал в ушах Артема безумный шепоток чокнутого профессора.

Инопланетяне... Нелюди...оборотни... Упыри... Мулло... Маньяки... Какая, к черту, разница, как их называть? Казарин уже давно понял, что различие в терминологии лишь запутывает. Что все они – суть одно. Выродки со странно измененным разумом – и, очевидно, физическими качествами тоже (если исходить из того, что этот урод не дурачит их всех, а действительно владеет паранормальными способностями). Звери?

– А это у тебя что еще за дерьмо? – продолжал допытываться Стрижак, тыча пальцем в странную язву на лбу Занюхина, отдаленно повторявшую форму креста.

– Чего, чего... – проворчал Петя-Фокусник. – Клопы в дурке кусаются, как ваши служебные собаки! А может, расчесал на нервной почве... Не помню я, начальник!

«Все ты помнишь», – мстительно подумал Артем, представив кадавра с крестом на лбу, шипящего, будто от пролитой кислоты, но вслух ничего не сказал.

– Ладно, пошутили, и хватит, – прихлопнул Стрижак ладонью стол. – Перейдем к делу. Ты подозреваешься в причинении смерти по неосторожности Соколовой Анастасии Александровне, одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года выпуска. Чистосердечку писать будешь – или хочешь по-плохому?..

Повисла драматическая пауза, которую весьма некстати нарушил сидевший за соседним столом сержант, сочинявший до этого протокол, усердно наморщив узенький лобик. Перед ним восседала ногу на ногу покрашенная вокзальная дешевка с фиолетовым фингалом под глазом, бесстыдно демонстрируя из-под крошечной мини-юбки несвежие трусики.

– Товарищ подполковник! – плачущим голосом заговорил сержант. – Как написать «блядь» по-культурному?

Стрижак пригладил свои выдающиеся уши и отвечал без запинки:

– Пиши: «гражданка, в половых органах которой совершали многократные возвратно-поступательные движения половые органы множества лиц мужского пола, принадлежащих к различным классам коммунистического общества, преимущественно – к нетрудовому элементу».

– Чё? – вылупил зенки сержант.

– Ладно, пиши просто: «женщина с пониженной социальной ответственностью», – смиловился Стрижак.

– Какое, к бесу, причинение смерти?! – не выдержал Занюхин, который на протяжении всего диалога о том, как пишется «блядь» по-культурному, беспокойно ерзал тощей задницей на вытертом коленкоровом сиденье стула, украшенного инвентарным номером. – Да я ее пальчиком через три подушки не тронул! Я же только пошутил! Да я вообще психбольной, могу справку показать! Протестую против моего незаконного задержания и буду писать не чистосердечку эту вашу вонючую, а жалобу на вас генеральному прокурору эсэсэсэр!

От патетической риторики культиста не осталось и следа – перед Артемом сидел обычный уголовник. На секунду Казарин даже почувствовал разочарование – не так он представлял себе чокнутого маньяка-убийцу, ой не так.

Стрижак меж тем невозмутимо отвечал:

– Согласно заключению, сделанному Доктором Жму... судебно-медицинским экспертом товарищем Думбадзе, на поверхности матки гражданки Соколовой имеется рубец, по видимому оставленный ранее акушерским инструментом в ходе производства аборта. При выскабливании были задеты крупные сосуды матки. В процессе преждевременных родов, которые спровоцировал испуг, вызванный твоими действиями в отношении Соколовой, рубец расползся по новой. Началось обширное кровотечение. Соколова истекла кровью и

погибла за считанные минуты. Таким образом, гибель гражданки Соколовой А. А. находится в непосредственной связи с твоими действиями.

Занюхин изобразил крайнюю степень возмущения:

– Да ты, в натуре, дерьма всосал, начальник! Эти Анастасией Большие Сиси треплются с кем ни попадя, нагуляют ублюдка – да брык под нож! Живодеры ей, значитца, раздербанили всю пилотку, а виноват Занюхин?!

В следующую секунду Лунц неуклюже помогал молниеносному Стрижаку удерживать брыкающегося Артема.

– Убью, падла! – сдавленно хрипел Казарин, вырываясь из цепких рук мента и слабых, деликатных – эксперта-криминалиста.

– Успокойтесь, Артем, он же вас нарочно провоцирует, неужели не видите? – увещевал его Лунц.

Шлюха с фингалом заливисто хохотала, пока не получила от сержанта увесистую затрещину.

Когда Казарина с трудом усадили на стул, подполковник продолжил допрос:

– А скажи-ка мне, Занюхин, не ты ли стрелял в товарища следователя пятого сентября одна тысяча девятьсот восемьдесят третьего года возле Светлопутинского городского morga из пистолета Стечкина?

– Раз пистолет Стечкина, вот пусть Стечкин и отвечает! А я-то тут при чем, гражданин начальник?! – нагло ухмыльнулся Петенька, блеснув косыми разноцветными зенками.

– Хорошо, – терпеливо и вкрадчиво продолжил Стрижак. – А вот скажи мне, Занюхин ты занюханный, чего ты делал в центральном городском парке Светлопутинска утром пятого сентября сего года? У нас имеются показания нескольких человек, что тебя там видели.

О том, что «несколько человек» – сопливые детишки, Стрижак благоразумно умолчал. Молодец, Артем сделал бы так же.

– Я очень люблю живую природу, – нагло ухмыльнулся Петя-Фокусник. – В парке водится много ежей, и я ходил туда наблюдать за их жизнью. Мне было интересно, как они спариваются. Они ж колючие!.. И попробуй докажи другое, начальник!

Глава 9

«Не носите джинсы “Левис”...»

Артем наконец добивается восстановления справедливости и узнаёт, о чем грезит маньяк, а подполковник Стрижак становится счастливым обладателем фирменной шмотки, которую, впрочем, все равно не может надеть.

От такого неслыханного нахальства опешил даже Стрижак, который никогда не лез за словом в карман. А Казарин вдруг со всей остротой прозрения понял, что предъявлять Занюхину, пожалуй, пока особо и нечего. Умозаключения Доктора Жмура про связь испуга с преждевременными родами нужно еще доказать. Результаты биологической экспертизы, которая должна ответить на вопрос, принадлежит ли сперма из влагалища убитой школьницы Лены Плотниковой Петру Занюхину, еще не были готовы. Оставалась довольно сомнительная информация, полученная в ходе допросов знакомых Пети-Фокусника.

Артема восстановили в должности через сутки после выхода из больницы и снова вернули ему все уголовные дела, которые были распределены между другими следователями. В том числе и то, «особенное», которое было передано после дисквалификации Казарина Козлюку и которое он чуть было не закрыл в связи с «бесперспективностью дальнейших

следственных действий и недостатком улик в результате халатного отношения к работе тов. Казарина А. С.» – до чего же гнусная формулировочка!

Группа по расследованию убийства Лены Плотниковой, которую вновь собрал Артем в прежнем составе, за несколько дней успела, казалось бы, очень многое. Как выяснили следователи, 32-летний Петр Занюхин объявился в окрестностях Светлопутинска в конце весны этого года. Где он обитал до этого, никому, включая советскую власть, было доподлинно неизвестно. Бродяжничал, поди, – ведь после второй откидки с зоны жить ему было негде. Он захаживал в рабочий поселок на окраине Светлопутинска к разбитной разведенке Клавдии Васькиной – даме, приятной во всех отношениях. По ее словам, «Петенька» говорил, что живет у кого-то в деревне Малые Запереченки, что в двух километрах от городской черты. К ночи он уходил на работу – ему удалось устроиться сторожем на завод.

Несколько раз Занюхин заявлялся к любовнице не один, а в компании с подростком по имени Леша. Лешин батя когда-то отбывал наказание вместе с Петром, и они продолжили «дружить семьями» и на свободе. Нисколько не стесняясь присутствия возлюбленной, Занюхин вел с беспризорным парнишкой весьма откровенные разговоры на половые темы.

Команда Стрижака моментально разыскала того самого Лешу, который поведал милиционерам, что «дядя Петя»

склонял его к сожительству, а также просил привести ему девочек из класса. А однажды, когда Леша и его дружки гуляли вместе с Занюхиным и в их поле зрения появилась малолетняя школьница с бантиками (может, это и была Лена?), «дядя Петя» предложил, с вожделением глядя на ребенка:

«Пацаны, давайте проследим, где она живет. Если она сама будет отпирать дверь, значит, дома никого нет. Вот тогда-то мы и ворвемся! Будем ее долго и по-всякому трахать, а после утопим в ванне, как будто она сама утонула...»

Слава богу, подростки вняли голосу разума и отреагировали на «заманчивое предложение» лишь скептическим хмыканьем и похабными шуточками. Отвечать за столь гнусное дело никому не хотелось, да и не нравились молодой шпане маленькие девочки: пределом онанистических грез пубертатного периода обычно служили взрослая соседка по двору либо училка в школе. Казарин сам прекрасно помнил это... В общем, поддерживать Занюхина в его уродских пристрастиях никто не согласился. Однако Петя-Фокусник не уgomонился...

Рядом с домом своей любовницы Клавдии Васькиной он собирал детей. Неподалеку, через два дома, проживала и приснопамятная Валька фон Кот со своей дочкой – Леной. Так что Лена в этой компании тоже бывала, хотя и держалась в ней верующая девочка особняком. А бывший зэк Петя Занюхин был в ней настоящей звездой: всеми любимым старшим товарищем, опытным в житейских делах и неутомимым

рассказчиком. Авторитет у него среди ребят, большинство которых росли в семьях без отца, был непоколебимым. «Дядя Петя» разводил для детишек костры, показывал им фокусы со спичками и картами, угощал их дефицитным шоколадом и даже тортом. Некоторые из них ни разу в жизни не пробовали торт... Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться: там-то Занюхин и положил глаз на Лену Плотникову. Но вот доказать это еще только предстояло.

Косвенных доказательств было хоть отбавляй. Однажды несколько девочек-школьниц шли по тропе, по которой обычно ходила на учебу и Лена. «Дядя Петя», видимо обознавшись, окликнул одну из них из кустов:

«Лена! Пошли домой! Тебя мама зовет!»

Летом большинство учеников разъехалось в пионерлагерь, и тропа в школу опустела. И тогда пятилетняя дочь Васькиной Машенька пожаловалась маме, что ночью «дядя Петя» приспускает с нее трусики и трогает «за писю». После этого нежная возлюбленная с треском вышвырнула Занюхина из своей маленькой каморки. Но потом еще не раз встречала его в поселке. На вопросы, какого черта ему здесь нужно, Петр уклончиво отвечал, что «просто гуляет».

То, что Занюхин постоянно маячил на дороге, по которой дети ходят в школу, не подтвердил только ленивый. В деревне Малые Запереченки, где бывший зэк остановился у одного приятеля по отсидке, Петя-Фокусник тоже времени даром не терял. Однажды он завел шестилетнюю девчушку, кото-

рая гуляла без присмотра старших, в сарай, подманив ее чудесной конфеткой «Мишка на Севере», какой девочка, привыкшая лишь к дешевым слипшимися карамелькам-«подушечкам» из местного сельпо, ни разу и не видывала... К счастью, сельская учительница – женщина старого закала, твердо усвоившая еще с 1937 года, что бдительность не есть всеобщая подозрительность, – заприметила непонятную сцену и на всякий случай прокралась по пятам за странной парочкой. В сарае она увидела, что Занюхин уже поставил крошку на колени и собирается сотворить с ней... ну, наверное, примерно то же, что потом произошло с Леной Плотниковой. Бабка-училка сразу забила тревогу. Местные мужики тут же скрутили развратника и решили учинить над ним настоящий суд Линча. На самом деле: стояли и обсуждали, сразу убить или сначала яйца гаду оторвать. Однако, на счастье Занюхина, кто-то принес весть, что в местном сельпо «выкинули» какой-то страшный дефицит, и толпа рассосалась в мгновение ока. Так извращенца Петю Занюхина спасли от народного гнева сморщенные советские сосиски, которые в деревне видели раз в три года. После этого Фокусник благоразумно сменил место жительства. Но не привычки.

Занюхин снял угол в доме у бабки-алкоголички в Светлопутинске, неподалеку от городского парка. Это тоже было лишней копейкой в копилку следствия, которая, будучи умело сэкономленной да грамотно потраченной, бережет рубль. Вот только на рубль пока этих жалких копеечек, ну никак

не наскребалось. Все противоправные действия Занюхина, которые могло доказать следствие, были какими-то незавершенными. Склонял к сожительству несовершеннолетнего Лешу – и не склонил. Пытался что-то там такое сделать с шестилетней девчушкой – но, как говорится, не пойман – не педофил. Напугал Настю – но пойди докажи связь испуга с выкидышем и смертью.

Обыск на дому у бабки-алкоголички, у которой квартировал Занюхин до того, как слечь в психушку с подозрением на шизофрению, дал более интересные, но не менее спорные результаты. Еще на первом допросе, который Стрижак вел без Артема (тот просто не мог сразу выйти на работу – слишком много он перенес за последние недели), Занюхин подробно перечислил все предметы своего гардероба. По показаниям множества людей, Петя-Фокусник в относительно теплое время года везде щеголял в джинсах и легкой куртке из вельветовой материи. Однако с его слов выходило, что из всей одежды у него имеются только брюки, пиджак и клетчатая рубашка, в которых его привезли на допрос. Ну, это не считая дешевенькой болоньи с капюшоном, столь памятной Артему, которую Петя купил, когда начался дождливый сезон, и которая осталась на заводе, в сторожке. Вел Занюхин себя на редкость спокойно. Нервозность в его поведении проявилась лишь тогда, когда новоиспеченный подполковник сказал ему, что по последнему месту его жительства будет проведен обыск. Было видно: в расчеты Пети никоим

образом не входило, что менты выйдут на старую пьянчужку, у которой он снимал угол.

Вопреки ожиданиям Стрижака, в пожитках Занюхина не нашлось ровным счетом ничего примечательного — лишь стопка свежевystиранного нижнего белья: бабкин постоялец явно был не из числа богачей. Оставалось только составить протокол, в котором, если перефразировать сухой милицейский язык на нормальный, человеческий, будет записано: «При обыске ничего подозрительного не обнаружено».

Но Стрижак всегда был на удивление везучим парнем. Вот и теперь его в очередной раз выручил случай. Хозяйка уже провожала уходивших несолоно хлебавши милиционеров до калитки, а Стрижак возьми да запнись за корыто с грязной водой. Когда на ночь глядя следователи нагрнули домой к старушке, в воздухе еще висели мрачные осенние сумерки. Видно было почти как днем, и все обошли несчастное корыто, до краев заполненное темной, словно деготь, жижицей. А тут, в потемках, подполковник не разглядел его и сильно ушиб ногу. Сначала, конечно, заматерился в своей излюбленной манере, поминая нехорошими словами такие несовместимые вещи, как христианских святых и советскую власть. Но потом пригляделся и замолк, выхватив у оторопевшей бабули древнюю, еще времен царя Николая Кровавого, наверное, керосиновую лампу, которой та освещала незванным гостям путь. За время, пока работники угрозыска обыскивали дом, вода успела отстояться, и на

дне стала видна какая-то тряпка. Керосинка четко высветила ее контуры в мутноватой все еще водичке. Тут бабка сразу «вспомнила», что утром как раз замочила штаны, оставшиеся после ее постояльца. Мол, раз он сгинул неизвестно где, да еще не заплатил ей за последний месяц, ирод, то она имеет все права на его лопотину. Выполощет да и снесет на рынок, благо штаны-то модные. Чего добру пропадать?

Подполковник аккуратно, двумя пальцами подцепил из воды скомканную тряпку, которая оказалась вполне себе справными фирменными джинсами, и торжественно провозгласил:

Не носите джинсы «Левис»,
В них гребли Анжелу Дэвис,
А носите джинсы «Ли»,
В них Анжелу не гребли!

Колени выловленных из корыта штанов с крикливой эмблемой «Levi's» на ягодице оказались обильно вымазаны землей. В них то ли и впрямь развлекалась с кем-то курчавая борчиха за права чернокожих, то ли, что куда вероятнее, Петя Занюхин. Грязные коленки, опять же, косвенно указывали на его причастность к изнасилованию. Сообразив, что от нее не отстанут, бабка-алкоголичка выдала и занюхинскую куртку. Стрижак взял ее за ворот (куртку, а не бабку, разумеется) и встряхнул, будто в ней находился сам Петенька. Потом присмотрелся повнимательнее и поскреб вытертый вельвет

в районе груди ногтем указательного пальца.

– Смотри-ка, Лунц!

Долговязый старик согнулся пополам, и длинный нос его, напоминающий клюв хищной птицы, почти коснулся вельветовой ткани.

– Шерсть! – удовлетворенно сообщил он наконец.

– Редкая, зато натуральная! – просиял Стрижак.

Глава 10

Поющий сом по кличке Никодим

Артем применяет в ходе следствия изощренные уловки; Стрижаск, напротив, делает ставку на грубую силу и прибегает к помощи чудовища из водной бездны; а Луниц седлает любимого конька.

На втором допросе, который последовал сразу же за изъятием шмота, Занюхин продолжал всячески отпираться. Следствию на данный момент только того было и надо. Зацепка получалась многообещающая: на всех последующих допросах, на которых уже присутствовал и Артем, подозреваемый все так же упорно обходил молчанием существование фирменных джинсов и вельветовой куртки. Казарин догадался вопрос о них замаскировать среди других, второстепенных: сколько Петр зарабатывает да какие приобретения он сделал за последние месяцы? Это явно усыпило бдительность Занюхина. Несмотря на то что на нем были жеванные вельветовые брючонки, которые явно составляли пару с той самой курткой, изъятой у бабуси, он поведал, что приобрел их в местном центральном универмаге отдельно. И по-прежнему помалкивал про джинсы.

Между тем Луниц подверг тщательнейшему анализу шерсть с вельветовой куртки. Оказалось, что она действи-

тельно принадлежала собаке. Вот только какой именно? Одежда убитой девочки со следами шерсти была разорвана на куски и растащена толпой религиозных фанатиков. Труп Балетки, виденный Артемом на кладбище, разыскивать было слишком поздно.

Таким образом, косвенных доказательств вины Занюхина в убийстве девочки было хоть отбавляй, прямых – ни одного. Оставалось ждать результатов биологической экспертизы, которая должна была ответить на вопрос, принадлежит ли сперма из влагалища трупа школьницы Занюхину. Но столичные эксперты, которым было поручено это ювелирное дело (на допотопном оборудовании местной лаборатории провести такую экспертизу оказалось форменной утопией), все что-то тянули резину...

* * *

– Не-е-ет, ты у меня или дашь явку с повинной, или я тебя голой жопой на этого самого ежа посажу и погоню прямиком до солнечного Магадана! – прервала мысли Казарина громкая ругань Стрижака.

Сегодня, 10 ноября, вся советская милиция отмечала профессиональный праздник, и подполковник был особенно зол из-за того, что не может присоединиться к этой лучшей, по его мнению, части советских граждан, а вынужден участвовать в допросе какого-то сомнительного унтерменша.

Артем вздохнул и с тоской поглядел на черного усатого сома, который вяло шевелил жабрами в зеленой мути аквариума. Стрижаковский любимец, похоже, лучше всех перенес переезд на новое ПМЖ. Казарин встал и вышел из нового кабинета Стрижака в здании областного МВД – прогуляться до санузла, а заодно привести в порядок спутанные мысли. Лунц также отправился к себе в лабораторию корпеть над очередными экспертизами.

Когда Казарин вернулся, Занюхин сидел на стуле, раскачиваясь из стороны в сторону подобно маятнику метронома, и подвывал на высоких частотах сквозь дырку на месте выбитого зуба. Вообще, зубов у него во рту за последние пять минут изрядно поредело, даже если учитывать те, что Стрижак выбил еще в психушке. Милиционер методично работал кулаками, локти его мелькали перед глазами Артема, словно поршни взбесившегося паровоза. У Стрижака это называлось «массажем пресса». Мало находилось смельчаков, которые после подобной «оздоровительной» процедуры отважились бы не дать признательные показания. Но на этот раз подполковник что-то уж очень расхотелся. Огромные уши его налились кровью, свежестриженный ежик на затылке встал дыбом. В такт ударам он напевал из Высоцкого:

Побудьте день вы в милицейской шкуре -
Вам жизнь покажется наоборот.
Давайте выпьем за тех, кто в МУРе, —
За тех, кто в МУРе никто не пьет.

В каждый куплет и каждый удар Стрижак вкладывал всю обиду на жизнь, скопившуюся у «поганого мента» за долгие годы беспорочной службы на страже порядка и социалистической законности:

Понимаю я, что в Тамаре – ум,
Что у ей – диплом и стремления, —
И я вылил водку в аквариум:
Пейте, рыбы, за мой день рождения!

Сом в аквариуме поглядывал на происходящее неодоб- рительно – видимо, обижался, что рыбам в песне налили, а ему нет. По полу катались пустые бутылки, оставшиеся после празднования «новоселья» новоиспеченного подполковника, которые раньше батареей стояли позади стола. Судя по их количеству, подполковником быть неплохо, мельком подумалось Казарину. В маленьком телевизоре, стоявшем на тумбочке в кабинете начальника угрозыска, показывали «знатоков». Приторно правильные милиционеры виртуозно и с использованием исключительно гуманных методов выводили на чистую воду бандитов, жуликов и расхитителей социалистической собственности. Говорят, всесильный министр внутренних дел Щелоков даже лично запретил исполнителям главных ролей курить в кадре, чтобы пламенный образ советского милиционера не омрачала вредная привычка. Звук был выключен – но его вполне успешно за-

меняло одышливое пение распаренного подполковника милиции, который методично мутузил подозреваемого.

– Да ты с ума сошел! – закричал Артем, оттаскивая Стрижака от Занюхина за шкурку и с трудом борясь с желанием проделать то же самое за уши. – Прекрати немедленно!

Стрижак плюхнулся в свое кресло и обиженно запыхтел. Он сейчас исключительно мало походил на доброго и гуманного киношного следователя Пал Палыча Знаменского.

После смерти Брежнева и «воцарения» Андропова покровитель всенародно любимого сериала Щелоков с треском вылетел с поста министра – как говорили, за многочисленные злоупотребления и чудовищную коррупцию, которую он развел в своем ведомстве. В рамках борьбы со «щелоковщиной» традиционную песню-заставку про «Наша служба и опасна и трудна...» заменили на новую, какую-то невыразительную и не запоминающуюся, что вызвало бурное недовольство зрителей, особенно тех из них, которые носили милицейские погоны. Однако этим прогресс и ограничился – в остальном многосерийный телефильм все так же идеализировал и лакировал советскую действительность, как и при Щелокове. Сняли бы лучше парочку серий про маньяков, зло подумал Артем. Да что маньяки – хотя бы про мафию, наркоторговлю или проституцию! Но это, конечно, бред, никогда у нас такого не снимут⁹. Это так же маловероятно, как то, что «зна-

⁹ Серия «Мафия» многосерийного телефильма «Следствие ведут знатоки» вышла на экраны телевизоров в 1989 году, и в ней рассказывалось о деятельности

токов» в кино вдруг возьмут и посадят за взятки.

Занюхин тоненько всхлипывал, скрючившись на стуле. А потом его наконец прорвало.

– Ну да! Да! Было у нас! Было! – хлюпал он расквашенным носом. – Так она ж сама меня совратила! А я что? Я ничего! А как удержаться, когда перед тобой такая маленькая нежная цаца задницей крутит!

– Что ты несешь? Говори по существу! Где и когда ты познакомился со школьницей Плотниковой Еленой? – сразу же подобрался Артем.

– На поселке, где же еще! Летом, когда у школоты каникулы. – Занюхин сунул грязные пальцы себе в пасть, покопался там немного и вытащил из десны окровавленный зуб. – В общем, она каждый день встречалась со мной в парке, по дороге в школу. И мы с ней любили там.

– Когда это было? В каком месяце?

– В начале сентября. Провстречались мы целную неделю, и ей вроде все нравилось! Но в последний раз я ее не удовлетворил. Осечка у меня произошла, гражданин начальник! Ты, как мужик, должен меня понять! Ну, мы с Ленуськой и повздорили из-за этого малость. А она возьми и начни мне грозить, что, мол, пойдет в милицию и скажет, что я ее, того... насильовал.

– И что было дальше? – спросил Артем, немного одурев-

синдиката наркоторговцев. Проституток, кстати, в ней тоже показали. Но к тому времени это была уже совсем другая страна...

ший от того, что личность убитой предстала перед ним весьма неожиданной гранью.

– А дальше ничего не было. Потому как у меня просто выбора не оставалось. Я же должен был ее как-то остановить! Мне чё, по ее милости опять парашу задницей греть?

– И что же ты сделал? – не отставал Казарин.

– Привязал я Ленуську к дереву. Проловкой. Ну, это чтобы она в милицию не пошла. Авось, думаю, опомнится девка! Я же ей ничего плохого не делал. Все было по полному нашему взаимному согласию!

– Ну и?.. – напирал Артем.

– Ну а она взяла и задохнулась. Случайно! – развел руками Занюхин. – Не виноватый я, гражданин начальник!

– Ну и мастак ты языком молоть, братец! – проговорил из своего угла почти успокоившийся Стрижак. – С тобой говно хлебать хорошо: рта не дашь раскрыть, все сам слопаешь.

– А чего не так-то? – обиженно прошлямкал окровавленными губами Петя. – Все как есть обсказал, ничего не утаил.

– А выпотрошил ее кто? Пушкин? – спросил Артем, внимательно наблюдая за реакцией нелюдя.

– А я почему знаю? – опустил глаза Занюхин и неожиданно оживился: – А может, всю требуху собака сожрала? У Ленки пес был, Балеткой вроде звали! На редкость противная шавка. Он, наверное, и полакомился потрошками...

– И давно ты заметил в себе половое влечение к маленьким детям? К мертвым маленьким детям? – внезапно в лоб

спросил Казарин.

И тут же за спиной у него раздался громкий, как бы механический свист, а вслед за ним – звуки, больше всего похожие на мяуканье. Такие могли бы, наверное, вырваться из пасти спятившего кота-мутанта. Артем обернулся и увидел, что любимец Стрижака – черный сом медленно ползает на брюхе по новенькому линолеуму кабинета, шевеля плавниками, и посвистывает, что твоя канарейка.

«Ну вот, опять крыша едет», – меланхолически подумал он и даже не испугался. Зато Занюхин вжался тощим позвоночником в спинку стула и подобрал под себя ноги – видимо, боялся, что поющая рыба его укусит.

Стрижак выругался, бросился к сому и нежно подхватил тварюгу под жабры. С трудом оторвав страхолюдину от линолеума (свист и мяуканье при этом усилились), он дотащил ее до аквариума и плюхнул в воду. Пугающие звуки немедленно прекратились. Затем милиционер вытер руки о новенькую щегольскую форму и проговорил со значением, обращаясь к Занюхину:

– Видал? Если будешь несознанку лепить, я тебя скормлю этой твари по кусочкам.

Петя с трудом отходил от шока (да и на Казарина, признаться, непонятное поведение рыбы произвело жутковатое впечатление).

– А чего это он?.. – потрясенно спросил Фокусник, показав глазами на сома, который снова лениво шевелил усами в

аквариуме и помалкивал, как полагается обычной рыбине.

– Это мешкожаберный сом по имени Никодим, – снисходительно пояснил Стрижак. – Замечательная рыба. Выживает даже в болоте, а жрет все, от старых покрышек и рваных калош до разных подонков, которые насилуют и убивают детишек. И фокусы не хуже тебя умеет показывать. Например, иногда убегает из аквариума, потому что в природе привык переползать из одного пересыхающего водоема в другой. А еще умеет громко свистеть, чирикать и даже мяукать. По весне морду из воды высовывает и такие серенады выводит... Но мы отвлеклись. Так чего там насчет твоего влечения к мертвым маленьким детям?

– Не в бровь, а в глаз, начальник. Не в бровь, а в глаз... – кивнул головой Петя-Фокусник. – Да, я некрофил. И педофил, пожалуй, тоже. И много кто еще...

– Ничего себе! Какие умные слова ты знаешь! – удивленно пробормотал Стрижак. – Откуда, кстати, у тебя же три класса церковно-приходской школы? Фигурально выражаясь, конечно.

Артем удивился не меньше – в Советском Союзе, где вся сексуальная сфера жизни была строго табуирована государством, эти слова были известны только специалистам-медикам да еще, пожалуй, таким вот, как он, сотрудникам следственных органов.

– Я во время второй отсидки на придурочную должность прибился – в библиотекари. Спасибо одному авторитетному

человеку – очень понравились ему мои фокусы, – задумчиво проговорил Фокусник. – Ну и там от нечего делать стал книжки почитывать. В основном скучные попадались, про войну да социалистические стройки. Но однажды попался мне роман один. «Лолита»¹⁰ называется. Как мне потом знающие люди объяснили, очень редкая книжка. На воле взять ее на ночь почитать стоит трёшник – и то, если найдешь. Но на зоне и не такое достать можно...

– А «знающие люди» – это Аристарх Анемподистович? Академик? – понимающе подмигнул Казарин.

– А ты догадливый, начальник, – криво ухмыльнулся Петя. – Так вот, книжка эта будто про меня писана! Ну, не то чтобы прямо про меня, там же про профессора речь, а я кто есть? Но все его мыслишки словно бы у меня из башки сворованы! А еще мне попалась книжка «Процесс Жилия де Рэ» – про одного старинного душегуба, французского маршала и барона, про которого еще сказка есть – «Синяя Борода» называется. Сказку я не знаю, кто написал. А у писателя той книжки фамилия зашкварная – Батак. Хе-хе! Потому я ее и запомнил... А, нет, вру, не Батак, а Батай¹¹

¹⁰ Впервые в СССР роман Набокова был легально напечатан в 1989 году. До этого он ходил по рукам в виде списков и фотокопий («самиздат»), а также русскоязычных зарубежных изданий, провезенных на территорию СССР контрабандой («тамиздат»).

¹¹ Книга французского философа, социолога и писателя Жоржа Батая «Процесс Жилия де Рэ» вышла в 1965 году во Франции, однако ее русский перевод появился лишь в 2008 году Где и, главное, как ее смог прочесть безграмотный уго-

ловник, не владевший французским языком, – загадка из тех, на которые, признаться, у автора этого повествования не имеется удовлетворительного ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.